

серия романов
BELUA FERUS

«Дикий зверь»

ЗАПРЕТ НА БЕЗУМИЕ

вместе с бонусным рассказом
«ТАИНА МЕТКИ»

ЭЛЬВИРА
ДЕЛЬ ИСКАНДЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эльвира Дель'Искандер

Запрет на безумие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526305

SelfPub; 2024

Аннотация

Брина дерзка и своенравна, ведет фривольный образ жизни. Ролан равнодушен, независим и сдержан, и с такими, как Брина, дел не ведет. Он представитель древней сверхъестественной расы, и они друг для друга – враги, однако для обоих это – тайна. Недостойная первая встреча, небезвинные женские шалости, столкновение морали с безнравственностью приводят к борьбе и притирке характеров. Теперь единственным, что она в нем пробуждает, является чувство скрытой агрессии и желание незамедлительного укрощения. Но как быть, если скован запретами и ограничениями? Разрушить их. Волевым усилием. И позволить себе немножко безумия. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	63
Глава 5	76
Глава 6	105
Глава 7	137
Глава 8	157
Глава 9	176
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Эльвира Дель'Искандер

Запрет на безумие

Belua Ferus [бэлюа фэрус] – дикий зверь (лат.)

Ferus [фэрус] – дикий (лат.)

Глава 1

Брина разочарованно простонала и опустила голову на рулевое колесо.

– Черт, черт, черт! – Чертыхания сопровождались активными ударами рук по рулю. – Ну, почему это всегда случается так не вовремя?! Ну, за что? За что мне такое? Почему именно сейчас? – Брина со злостью распахнула дверцу многострадального «Порше» и выбралась наружу.

Чтобы стоять и в недоумении смотреть на дымящийся капот своей любимицы.

– Когда-нибудь я выброшу тебя на свалку, сдам на металлолом... Вот тогда ты научишься быть благодарной. – Брина подошла ближе к автомобилю с откидным верхом и, задержав дыхание, открыла капот – повалил грязный, едкий дым, что заставило Брину закашляться и захлопнуть крышку обратно. Брина отошла подальше. – Дело-дрянь.

Большую часть своей жизни Брина мечтала о красивой красной машине, желательно при этом дорогой. Рассчитывать на меньшее не позволяли гордость и самолюбие – дочь своих родителей не могла кататься, на чем попало. Однако судьба сыграла с ней злую шутку, выкинув из «высшего света», и в результате лучшим из того, что она смогла себе позволить, оказалась данная развалюха – ее она и приобрела.

Как сладко звучит: «Порше»... Вот только автомобилем

Брина обзавелась пять лет назад и с тех пор его не меняла. А если учесть, что и до покупки он был подержанным... В общем, неудивительно, что в последний год автомобиль создавал ей одни лишь проблемы. Да и выглядел он плачевно, на все свои сорок лет.

Однако, невзирая на пакости, которые «Порше» ей временами устраивало, машину Брина любила и расставаться с ней не хотела, – еще бы не любить, когда потратила на нее последние сбережения. А потому постоянно сдавала ее в автомастерскую, тратя на ремонт еще большие деньги. Наверное, за те средства, что она спустила на починку этой груды никчемного металла, она могла бы приобрести новенький «Порше» последней модели.

Только в данный момент сердце Брины любовью не пылало. Напротив, сейчас она жутко злилась и готовилась разобрать эту мерзкую засранку собственными руками!

– Как ты могла так поступить со мной в такой момент? – едва не стонала Брина. Этот день и без того обещал стать неважным, только сломанной машины ей не хватало. И как теперь добираться до города?

Подняв мягкий верх автомобиля, Брина схватила объемную сумку и, закрыв все двери, пошла к обочине, ловить попутку. О машине Брина не волновалась: кому она сдалась в таком состоянии?

Ужасно палило солнце, август только начался. Однако жару Брина любила, к тому же не сомневалась, что не простоит

здесь дольше положенной ей минуты.

Так и получилось. Первый же подъехавший автомобиль – им оказался серый седан – остановился, стекло опустилось, и из окна выглянуло мужское лицо средней привлекательности – длинные ноги вершили судьбы.

– У вас проблемы? Могу я чем-нибудь помочь? – нагло ухмыляясь, спросил незнакомец.

Брина улыбнулась, очень мило так улыбнулась. Она прекрасно знала, что сейчас видит перед собой мужчину: интересная, стройная, привлекательная, в коротких джинсовых шортах и удлиненной майке цвета «болото», прекрасно демонстрирующих округлости в нужных местах. Понятно, отчего загорелись его глаза.

– Мне нужно в город. Подбросите? – кокетливо спросила Брина, хлопая длинными ресницами.

Мужчина кивнул – открылась дверь со стороны пассажирского сидения.

– Конечно. – Он только и ждал просьбы о помощи.

Брина изящно взобралась в салон и закрыла дверь. В другой ситуации, более ей благоприятствующей, она ни за что бы не села в такую убогую машину. Ну, а что? Брина не виновата, что достойна большего, не виновата, что имеет вкус и не имеет тяги кидаться на первого попавшегося. Учитывая свою же финансовую несостоятельность, вероятно, такая разборчивость – глупость. Однако сегодня выбирать в любом случае не приходилось. Ей нужно как можно скорее попасть

в город, пока волнение не съело ее заживо, а этот мужчина – выход из сложной ситуации.

Брина повернулась к спутнику.

– У меня нет денег, – сказала обреченно и перекинула через плечо копну черных длинных волос.

– Не нужно, – ответил мужчина, бросив хищный взгляд на ноги Брины, и нажал на педаль газа – машина тронулась в путь. – Как тебя зовут? – Брина посмотрела на спутника: это когда они перешли на «ты»?

Брина с горечью вздохнула: снова на те же грабли. Все с ним ясно, хотя ясно стало по первому пойманному на себе взгляду. Она хорошо разбиралась в мужчинах и уже определила, что из себя представляет попутчик – подобные постоянно к ней клеились: самовлюбленный, напыщенный тип, искренне полагающий, что он – подарок для всех и каждой, этакий прожженный самец, от взгляда которого мокнут трусики... а за спиной жена, дети, пятый развод, невыплаченные алименты... Очередной пример закомплексованного индивида, на которых Брине везло. Почему ей на них везло?

– Адель, – улыбнулась Брина. Пусть она и поставила на нем крест, но он мог ее отвлечь... и развлечь.

Брина, устраиваясь удобнее, практически сползла с сидения, развалившись на нем всем телом, и стала накручивать на палец майку.

– Какое необычное имя. И чем же ты занимаешься, Адель? – Он не упускал из виду ее действий.

– Я учительница, – проворковала Брина, – учу детей. –
Недолго думая, она поставила ногу на высокой танкетке на
переднюю панель и, получив опору, сползла еще ниже.

Мужчина чуть не поперхнулся.

– Учительница? – Сальные глаза, не переставая следили
за ее стройными ногами, лишь по необходимости отвлекаясь
на дорогу.

– Ага, – Брина посмотрела на него тупой нимфеткой.

– И чему же ты их учишь? – Мужчина нервно усмехнулся.

– Да так, – Брина взмахнула рукой, – всякой всячине, – и
лихорадочно рассмеялась.

– Видимо, так и есть...

Некоторое время мужчина приходил в себя, к подобному
развитию событий он оказался не готов и слегка растерял-
ся: растерянность читалась по лицу, с которого не спадала
улыбка идиота, не верящего в свою удачу.

Затем спросил:

– И зачем же ты едешь в Радлес? Ты же явно проездом. –
Мужчина откашлялся, казалось, ему все сложнее давался
разговор.

Брина до сих пор не знала имени собеседника – он не удо-
сужился себя назвать, а Брина не удосужилась его спросить
– не интересно. Хотя подобные типы обычно демонстриро-
вали себя сразу же, начиная воплощать мечты на словах: ра-
ботает в уважаемой банке, живет в завидном доме, со-
бирается на международную конференцию и так далее и то-

му подобное. Но, видимо, Брина продемонстрировала себя лучше, раз он даже имя свое назвать забыл. Брина, конечно, могла ошибаться – обжегшись на молоке, дуешь на воду. Однако, как правило, ее суждения о людях, как о мужчинах, так и о женщинах, оказывались верными.

– Встретиться с семьей. – Немного правды не помешает. Брина отвернулась к окну и стала разглядывать окружающую действительность – они только-только въехали в Радлес. Сколько же она здесь не была? Брина не помнила. Очень, очень много лет. С тех пор как покинула дом, Брина сюда не возвращалась, даже не звонила, хотя звонить-то было некому.

– Что-то не так? – Мужчина смотрел на Брину. – Вот я тоже не люблю проводить время с родными, поэтому стараюсь встречаться с ними как можно реже. Я всегда нахожу отговорки, – короткий смех, – например, что много работаю. Хотя я и вправду много работаю. Я работаю в банке. Главный помощник директора... – дальше Брина не слушала, полностью погрузившись в свои мысли.

Ее спутник, хоть и невзначай, напомнил ей для чего она едет в Радлес – на протяжении всего пути сюда она заставляла себя об этих причинах не думать.

Месяц назад ей пришло письмо от брата – целый месяц Брина благополучно его игнорировала. Однако более не обращать внимания на письмо она не могла: это было не то послание, о котором, прочитав, можно и забыть. Это было по-

слание, бередящее душу, захватывающее мысли и переворачивающее жизнь вверх дном.

С братом у Брины никогда не складывалось теплых отношений, им всегда тяжело давалось взаимопонимание. Они по-разному смотрели на жизнь и, как считала Брина, имели разные жизненные ценности. Многих его поступков Брина не понимала, а он и не пытался их объяснить. Однако сам активно ее контролировал, постоянно вмешиваясь в ее дела. Брина в ответ возмущалась, так как не любила надуманных ограничений, и, являясь обладательницей стойкого характера, не позволяла собой управлять. Потому, как только достигла возраста, призванного бунтовать, диктаторские замашки брата стала грубо отсекают, что выливалось в частые скандалы. Однако братец и тогда не знал границ: он не просил, а приказывал, не обсуждал, а ставил в известность, заходя в своем желании тотального контроля слишком далеко. Очередную его мерзкую выходку Брина простить не смогла...

Ее плеча коснулись. Брина вскинула голову и увидела, что ее спутник привлекает к себе внимание.

– Тебе куда? Такое ощущение, что ты в отключке. Ты что, меня совсем не слушала?

Брина улыбнулась.

– Конечно, слушала. Просто твои слова заставили меня задуматься.

Мужчина улыбнулся, довольный, что его рассуждения

оказывают такое сильное влияние.

– Так куда тебе нужно? Мы давно петляем по городу.

Брина выпрямилась, и стала обыскивать свои карманы, а затем и карманы сумки.

– Вот напасть, телефон в машине забыла. – Она посмотрела на мужчину. – Мне нужно позвонить.

Мужчина намеков не понимал: он так и ехал, вертел по сторонам головой, временами плотоядно на нее поглядывая.

– Телефон, – натянуто улыбнулась Брина. – У тебя есть мобильный?

– Телефон? К сожалению, нет. Я оставил свой дома.

Брина нетерпеливо вздохнула. Кто оставляет мобильные дома?

Брина посмотрела в окно, желая оценить обстановку: где они проезжали? Ей необходимо позвонить в автомастерскую, чтобы забрали ее красную предательницу. Затем нужно успокоиться и собраться с мыслями. И лишь после этого она сумеет встретиться с братом.

Брина всматривалась в мелькавшие здания и выискивала глазами подходящее заведение, где смогла бы решить свои проблемы.

– Езжай дальше, я скажу, когда остановиться.

Радлес сильно изменился, Брина словно в незнакомый город приехала.

Они проехали придорожное кафе, которое Брина сочла слишком семейным – такие она не жаловала; захудалый ре-

сторанчик – слишком дешевый, в таких она не светила; теперь ресторан – слишком дорогой; муниципальное здание – тоже не то...

Мужчина вез ее достаточно долго, пока Брига не сказала:

– Вот, останови здесь.

В ответ усомнились:

– Бар?

– Бар. – Самое то. Брига любила бары. Большую часть своей жизни она провела в подобных заведениях и чувствовала себя в них как рыба в воде, поэтому бар этот, весьма симпатичный внешне, стал находкой для ее утомленного сознания.

Седан остановился недалеко от входа. Брига собиралась выбраться из машины, когда мужская рука удержала ее на месте.

– И это все? – спросил мужчина, загадочно блестя глазами.

Брига округлила свои.

– Я же сказала, у меня нет денег.

– Я не про деньги. – Бледная рука скользнула по ее голым ногам. – Как насчет новой встречи?

Брига сдержалась – не захала сумкой по его наглой, похотливой физиономии. Вместо этого она улыбулась и потянулась к мужчине. Одной рукой оперлась о его ногу выше колена, другой коснулась груди, лаская наглеца. Мужчина напрягся, предвкушая продолжение и не спуская с нее пожирневших глаз. Брига приблизилась к напряженному лицу

и томно выдохнула в губы:

– Я замужем.

Несколько долгих мгновений мужчина осознавал, что только что произошло.

– Ч..ч..что?

Брина резко отстранилась.

– Замужем я, – повторила Брина. – И муж мой очень злой и ревнивый. А работает он вышибалой. И пусть он не главный помощник кого-то там, прости, прослушала должность, однако он главный-заглавный всех местных вышибал, поэтому лучше тебе с ним не встречаться. Спасибо, что подвез. – Брина выпорхнула из машины, пока мужчина не успел прийти в себя, чтобы, не раздумывая и не оглядываясь, направиться напрямиком в бар.

Она входила в «Красную метку», как королева в свои новые владения, глядя строго перед собой. При этом ею не остались незамеченными приятная обстановка и душевная атмосфера заведения. Однако перед ней стояла цель – найти телефон, на поисках которого она и сосредоточила свое внимание. Поэтому, как только увидела телефон-автомат, установленный в самом конце помещения, сразу же пошла к нему.

Вот только перед ней возникло небольшое препятствие. Хотя, нет, препятствие сложно было назвать небольшим, поскольку было оно точно наоборот, большим и крупным – по

ее долгожданному, ненаглядному телефону стоял, разговаривал мужчина.

Брина подошла ближе и остановилась в нескольких шагах. Мужчина стоял к ней спиной, опершись одной рукой о стену, а второй держал телефонную трубку и что-то усердно объяснял оппоненту.

– Нет, Нелли, черный провод вставляешь в первое отверстие, а вот уже красный во второе... – или оппонентке. Вероятно, любимой девушке. – Попроси Александра, он все тебе объяснит. – Или нелюбимой. – Ушел... значит, сегодня не предвидится порции криков и негодования?.. Не расстраивайся...

Вынужденное ожидание заставило Брину внимательнее приглядеться к незнакомцу.

Мужчина был высок. Обычно всем ухажерам Брины не хватало ее длинных ног – они были одного с ней роста. С кавалерами же ниже себя она не общалась. Однако, глядя на этого типа, Брина задирала голову.

Мужчина был отлично сложен, имел мускулистые плечи, крепкие руки, а белая майка, успевшая пропитаться потом, либо от жары, либо от физического труда, обтягивала рельефную спину.

«Идеальный вышибала», – подумала Брина и заключила: либо перед ней тупенький качок, либо не тупенький, но слабовольный, либо редко встречаемый, но опасный тип «Держись подальше». В третьем случае перед ней стоял образец,

с подобным которому Брина предпочитала не пересекаться, так как даже она, играя с мужчинами в игры, знала меру, и, наученная своим же горьким опытом, понимала, с кем играть можно, а с кем «атата по попе».

Первый вариант моментально отпадал, так как к этому моменту Брина поняла – мужчина не дурачок. Казалось, он знает, о чем говорит, разбирается в тонкостях и деталях, да и в целом, производит неплохое впечатление.

– Нелли, там нет ничего сложного... нет, не все провода там черные... они и должны быть похожи... да, я подожду...

Ждала и Брина, и ожидание потихоньку выводило ее из себя, чего не скажешь о незнакомце: вдобавок к тому, что он имел неплохие умственные способности, он был серьезен, спокоен и... очень – *очень* терпелив.

– Нелли, посоветуйся с кем-нибудь еще... Дей? Нет, к крайним мерам прибегать не нужно...

Однако к ним готовилась прибегнуть Брина. Она ждала половину своей жизни.

– Нелли, сейчас я занимаюсь твоей же просьбой...

Но, видно, подруге его заняться было нечем, кроме как изводить своими вопросами.

– Нелли...

Нелли, Нелли, Нелли... Эта Нелли явный профан в технике. Даже Брина, не будучи в курсе дела, поняла, что Нелли не могла подсоединить провода к процессору. Что там сложного?

– ...воспользуйся остальными, зачем тебе новый?

Брина ждала сотню лет.

– Конечно, дерзай, я подожду...

Ну, уж хватит: ждать больше Брина не будет. Сегодня и без того паршивое утро и планировалось, что остаток дня станет еще паршивее. Сколько ей еще ждать?

– Это, конечно, все очень здорово, вы ведете такие милые беседы, прям до тошноты, но вы давно исчерпали свой лимит. – Брина протолкнулась к телефону, приложив все силы, чтобы оттеснить мужчину в сторону, и, забрав у него трубку, встала к нему спиной. – Женщина должна учиться самостоятельности. – Брина нажала на рычаг, тем самым закончив за него разговор.

А затем вдруг застыла: она не знала ни единой автоматерской в Радлесе и, соответственно, ни единого телефонного номера.

Брина обернулась и осмотрела посетителей бара: семейная пара, три подружки, двое солидных мужчин, что-то усердно обсуждающих, и компания привлекательных холостяков... точно холостяков. Отлично.

– Мальчики! – Брина лучезарно улыбнулась и помахала им, обращая на себя внимание. – Кто хочет помочь беспомощной девушке и назвать номер ближайшей автомастерской? – Брина захлопала ресницами.

«Мальчики» быстро ее рассмотрели, и на лицах каждого из пяти расплылись дерзкие улыбки.

– Конечно, милая! Дам номер самой лучшей!

– Для тебя все что угодно!

– Присоединяйся к нам!

За нескончаемой чередой реплик, Брине все же повезло услышать номер.

– Спасибо, мальчики! Я ваша должница! – Не в этой жизни.

Брина набрала телефонный номер, дождалась гудков. На противоположном конце сняли трубку, однако, услышать голос снявшего ей было не суждено: перед лицом возникла устрашающая кисть, которая, резко опустившись на рычаг, прервала соединение. В тот же момент она ощутила чужие руки на своей талии: руки, оторвав ее от пола, заставившие парить в невесомости. И вот она стоит на прежнем, далеком от телефона, месте, теперь повернутая к телефону спиной.

Брина опешила. Что только что произошло? Что это было?

Брина непонимающе обернулась и увидела все ту же рельефную спину, все в той же белой майке – у телефона терся все тот же надоедливый мужчина, который битый час болтал с некой Нелли и, как видно, намеревался продолжать с ней болтать.

Брина возмущенно воскликнула:

– Эй! Женщин нужно уважать!

– Как и мужчин, – последовал незамедлительный ответ, произнесенный грудным, поставленным голосом.

Да что он себе позволяет? Да как он смеет? Она разговаривала по телефону... почти разговаривала, но это был важный звонок, а этот мужлан его сорвал.

Брина приготовилась к кровопролитной стычке, когда взгляд ее ненароком упал на мужские ягодицы, плотно обтянутые джинсами. Нет, нет, ни на сами ягодицы, хотя и сами они были в отличном состоянии, а на то, что лежала в одном из джинсовых карманов, и на четверть выглядывало наружу. Там лежал телефон! Мобильный телефон!

Брина раскрыла рот от удивления. У этого обнаглевшего качка имелся собственный телефон, в то время как он занимал общественный. И не просто занимал, он прерывал чужие звонки!

Негодование Брины не было предела. Почти минуту она стояла, прожигала его глазами, не понимая: ну как же, как же так? Телефон его не разряжен: Брина успела заметить, как погас дисплей. Соответственно, сломанным он тоже не был – да и кто носит сломанные телефоны с собой? Получается, он просто наглый, не порядочный человек. Он грубиян!

Брина отошла от него и заставила себя успокоиться. Затем обаятельно улыбнулась и вернулась к мужчине, который уже возобновил разговор с не особо сообразительной Нелли.

– Простите, я была права. – Остановившись рядом с незнакомцем, Брина положила ладонь ему на плечо... – Дело в том, что день мой не задался с самого начала, вот я и сорвалась, – ...чтобы лениво, словно перышком начать водить,

томно лаская, по его «трикотажной» спине.

От Брины не укрылось, как незнакомец вздрогнул. Он даже прекратил разговаривать с подругой.

– Конечно: бывает, – последовал короткий ответ.

– У меня сломалась машина, вот я и хотела позвонить специалистам, – ладонь оказалась у поясницы и, ловко забравшись под влажную майку, коснулась горячей кожи – упругие мышцы моментально напряглись, хотя мужчина и без того стоял, будто каменное изваяние. – А еще я не местная, растерялась, совсем не знаю, что мне теперь делать, – кротко продолжала Брина, в то время как ладонь путешествовала по спине. Брина встала к мужчине вплотную, слегка прижавшись к нему своим телом. – Но я обещаю, что больше такого не повторится, – пальчикам снова захотелось вниз. – К тому же мы вряд ли снова встретимся, – чтобы юркнуть под синие джинсы, ясно сообщая их хозяину, куда теперь держат путь.

Мужчина порывисто обернулся, одновременно со стуком повесив трубку.

Брина отскочила и, взволнованная, уставилась на незнакомца. И только сейчас смогла полноценно, в незамеченных ранее подробностях, разглядеть его лицо. И какое лицо... Оно было словно высеченным из гранита: кожа обтягивала каждый рельефный участок, в особенности точеные скулы. Короткие волосы из-под машинки, гладко очерчивали череп, дополняя скульптурность образа. А этот взгляд серо-голубых глаз... по телу Брины пробежали мурашки. Он не был

злым, не был устрашающим... он был проникающим. В нее. Глубоко.

Брина беспокойно улыbnулась.

«Третий, третий, третий!» – единственная мысль, крутившаяся в голове. – «Третий тип! Третий! Тот, от которых следовало держаться подальше».

– Да. Я. Понимаю, – медленно и очень – *очень* сдержанно проговорил мужчина.

Брина продолжала вымученно улыбаться: иного ей не оставалось.

– Спасибо... за понимание. – Брина обняла свою сумку, удостоверяясь, что та при ней. – Думаю, я пойду. Мне пора. Да, до встречи... то есть прощайте.

Она отвернулась и быстрыми шагами направилась к выходу.

Что это было? Что за чертовщина? Она никогда не впадала в такие глупые, нелепые ступоры. А сейчас... Ей даже страшно стало.

Возле самых дверей Брина обернулась в последний раз посмотреть на мужчину.

Он смотрел на нее. Все еще смотрел. Стальной, испытующий взгляд, не лишенный доли подозрения.

Брина вышла из бара. Это здесь она мечтала успокоиться и собраться с мыслями?

Ее тянуло посмеяться, да не получалось.

И что побудило пойти на такие безрассудные действия?

Где была ее голова? Куда делся инстинкт самосохранения? Да у него на спине написано: «Не лезь. Шутки плохи». Однако не удержалась. И почему?

Брина притормозила и достала из кармана то, что стало побудителем к опрометчивым действиям, то, что она так рьяно и отчаянно желала получить – достала телефон. Мобильный телефон незнакомца.

Вот теперь Брина рассмеялась. Не имея сил совладать с эмоциями, Брина расхохоталась в голос, испытывая легкость и небывалое облегчение.

О, да... да! Это – Брина смотрела на телефон – стоило того напряжения. Поступок себя оправдал. И Брина вовсе не воровка, нет-нет. Это так, компенсация за моральный ущерб.

Брина набрала автомастерскую, – она хорошо запомнила номер, – и договорилась, что ее машину заберут с главной радлесовской автомагистрали, а затем исправят все неполадки. Брина долго описывала местность, но, в конце концов, ее вроде поняли.

А уже спустя минуту она сидела в такси и ехала домой – домой к брату – и очень сильно нервничала.

Что ее ждет? Зачем он велел приехать? И зачем она вообще приехала? Хотя на последний свой вопрос Брина ответ знала – он бы от нее не отстал. Если братец вбил себе в голову, что Брина по каким-то ему одному понятным причинам должна вернуться, он приложит все усилия, чтобы добиться своего. Он всегда получал, что хотел. Возвращение Брины в

Радлес было лишь вопросом времени.

Такси ехало по центру города к северу, к участку, который нынче именовали Мертвой зоной: пускай Брина Радлес покинула, но местными новостями временами интересовалась.

Не доезжая до Мертвой зоны, Брина попросила водителя свернуть налево.

Семейный «особняк», как называла городской частный дом Брина, находился на границе «живой» и «мертвой» зон.

Надо же, каким удачным оказалось расположение.

Однако, если не заикливаться на мистических случаях, дом, действительно, имел выгодное расположение, так как не проглядывался ни с одной из пролегающих рядом улиц. Стараниями брата.

На очередном повороте она попросила таксиста остановиться и вышла из машины. Прошла немного по малолюдной улице, свернула в одну из улочек, дойдя до конца которой, свернула на другую, более длинную, которая заканчивалась зарослями деревьев. Дорога стала гравийной, общественный транспорт здесь не ездил, да и люди не ходили.

Брина прошла мимо решетчатой стальной ограды и, наконец, увидела его – дом своего детства: среди густой, богатой зелени возвышалось трехэтажное белокаменное строение.

Выглядел дом воистину величественно: местами арки, местами капители; балконы, полукругом огибающие фасады, под строй высоких статных колонн; резные витиеватые узоры. Пышно и помпезно – все так, как любила ее семья.

Брину никто не встречал, хотя она не сомневалась, что родственнику уже доложили о прибытии сестры.

Брина поднялась по каменным ступеням, с обеих сторон огороженным балюстрадой, и подошла к высоким белым дверям.

Она вошла и оказалась в прохладном, немного тусклом холле. Брина присмотрелась – в глаза моментально бросилось богатство убранства, с дорогушими китайскими вазами и позолоченными ручками. В то же время мраморный «шахматный» пол, белые стены и широкая винтовая лестница, тянущаяся по центру холла, создавали впечатление сдержанной привлекательности.

Брина услышала приглушенные шаги – казалось, сердце перестало биться. Она посмотрела наверх и стала наблюдать, как по лестнице весьма торжественно спускается знакомая мужская фигура: спускается и при этом улыбается до боли знакомой, дорогой улыбкой.

– Я готов был ждать до следующего месяца, а затем намеревался сам тебя навестить, – почти что ласково сказал ее братец, ступая на гладкий, блестящий пол. – Ты лишила меня удовольствия ознакомиться с твоим новым скромным жилищем.

Брина выдохнула. За сотню лет она и подзабыла, что единственной ее семьей был Лисандр.

Глава 2

Лисандр. Ее любимый брат. Он стоял прямо перед ней. Как много времени прошло с их последней встречи... И как сильно он изменился... возмужал, заматерел...

...а в глазах история, отнюдь, не счастливая, на лице отпечатки непростого времени. Одни лишь рубцы на щеке чего стоили. Рубцы, которых раньше не было. И волосы стали короче: они светлой гладью закрывали шею. Бриана всегда подмечала перемены, происходящие в нем изменения. Подметила и теперь.

– Лиси, – он широко улыбнулся, – а ты все такая же, роковая и прекрасная, только повзрослевшая. – Он оценивающе оглядел ее с головы до ног и, довольный увиденным, пошел навстречу.

– Не называй меня так, теперь я Бриана. – Ласкательное имя из прошлого, которым называл ее Лисандр в детстве, заставило скинуть оцепенение.

Небрежно бросив сумку в сторону, она решительно прошла вперед, но не навстречу Лисандру, как он решил изначально – Бриана отказалась от радушного приветствия и, пройдя мимо брата, направилась в гостиную, которая располагалась за белоснежной лестницей.

Бриана прошла к центру светлой комнаты, отражающей веяния современной моды, и, недолго думая, развалилась на

диване, ранее ей незнакомом: ноги опустились на мягкий подлокотник, голова пристроилась на втором таком же.

– Смотрю, твои манеры не изменились? – Положа руки в карманы, Лисандр вошел в гостиную.

– Смотрю, твоя напыщенность тоже при тебе. – Задрав голову, Брина посмотрела назад: белая шелковая рубашка, подчеркивающая крепкое мужское тело; сшитые на заказ черные брюки, высококлассные итальянские туфли – Лисандр выглядел неотразимо. – Неужели нельзя попроще?

– Положение не позволяет.

– Ах, положение, – протянула Брина. – Ты король Монако?

Лисандр молчал, продолжая смотреть на нее со снисходительностью.

– Ах, нет, ты же наш король – король всех догмар...или что-то вроде того.

– Тебя это не радует? – Лисандр прошел чуть вперед и, наконец-то, оказался в пределах ее видимости, так что Брина смогла расслабиться и не напрягать шею и глаза.

– Отчего же? Напротив, меня это очень радует. Не придется продавать себя еще одному лидеру догмар, ведь связь с братом – это уже инцест, – Брина изобразила улыбку, – а мы ведь не извращенцы.

В глазах Лисандра что-то мелькнуло – она задела его за живое, – но быстро погасло.

– Это было так давно, – беспечно протянул Лисандр, – ты

до сих пор на меня злишься?

– За то, что ты предложил меня Деону? Да ты что! Вовсе нет! Как я могу на тебя злиться, о, великий, непогрешимый, Лисандр? – Брина отвернулась и стала разглядывать огромный фикус, произрастающий в дальнем углу.

– Злишься, – констатировал Лисандр. – Непонятно почему: из вас получилась бы прекрасная пара.

– А из тебя, полагаю, прекрасный правитель, – Брина поводила взглядом по насыщенным зеленым листьям, а затем переключилась на новенький газовый камин неподалеку, стилизованный под дорожную классику, с белой лепниной и серыми разводами.

– Тебе прекрасно известно, что подобная власть мне была не нужна. Нам и так хорошо жилось. Ты меня знаешь.

– Знаю, потому и говорю: ты не был дураком, чтобы не подстраховаться...и, как видно теперь, не зря. – Брина посмотрела на него с любопытством. – В какую дыру он тебя засунул?

Лисандр не отвечал. Он стоял неподалеку от Брины – у изящного «фигуристого» кресла, – на его губах играла слабая улыбка, но в глазах поселился мрак – их затягивало черной пеленой.

Брина напряглась. Такого эффекта она не ожидала, хотя бы потому, что раньше за Лисандром такого феномена не наблюдалось. Она всегда играла у него на нервах, и он стоически это переносил: да, злился, временами выходил из се-

бя, но никогда не отыгрывался на ней в ответ и не причинял вреда. И уж точно не менял цвета глаз. Однако сейчас он сделал именно это, и Брина не понимала, что подобное должно значить. Прошло больше ста лет с их последней встречи – период, значительно превосходящий тот, что они прожили вместе, под одной крышей. Превосходящий в три-четыре раза. За это время можно кардинально измениться и стать совершенно другим догмаром. И Лисандр мог. А если верить сплетням, которые дошли до нее после его исчезновения, он должен был измениться. Просто обязан.

А она тыкала в тигра палкой...

– А твои слова все так же беспощадны, – интонации голоса Лисандра не изменились, однако чувствовалось: беседа стала еще более натянутой. – Вижу, ты не просто злишься. Что это, Лиси? Ненависть? – Он усмехнулся. – Чувства, испытываемые тобой, столь сильны, что ты до сих пор меня не простила?

– Такое не прощается, Лисандр, – Брина отвернулась и посмотрела на белый потолок. Не потому, что обиделась: просто голове так было удобнее. – Я ведь не просто так ушла из дома.

– Ты не ушла, ты сбежала.

Брина промолчала.

– И это при том, что сама же вешалась на Деона. Я лишь подтолкнул тебя к неизбежному, исполнил твое желание.

– Я не вешалась на него, и тебе это прекрасно известно! –

Брина села, возмущенная несправедливым обвинением. – Я лишь... Это была...

– Игра. – Лисандр жег ее глазами. – Это была игра, Лиси, игра под названием «Удастся ли мне соблазнить самого Деона?» Ты можешь собой гордиться, тебе удалось. Но за каждую подобную игру приходится платить. Вела себя как шлюха – получила достойное шлюхи обращение. И жизнь никудышную в итоге.

– И кто же сделал из меня шлюху?! – Брина вскочила, не в силах контролировать свои эмоции. – Ты! Ты же и сделал! Ты ведь был моим братом! Единственным близким мне существом! Как ты мог? – Под конец излияний голос и вовсе осип: в нем смешалось столько боли и обиды, столько искреннего непонимания, как Лисандр мог почти собственноручно положить ее в постель к Деону, что Брина возненавидела себя за проявленную слабость и отвернулась от Лисандра.

– Ох, пожалуйста, не нужно драматизировать. – Все то время, что Брина негодовала, Лисандр сохранял спокойствие, и не думая сожалеть. – Я не успел.

Брина непонимающе обернулась.

– Не успел сделать из тебя шлюху, – пояснил Лисандр. – Ты сбежала.

Брина была поражена, удивительно, как ей не стало дурно. И такое говорил ей он, Лисандр – родная кровь, заменившая отца, после преждевременной смерти родителей. Брина совсем его не узнавала. Он не походил на старшего брата, кото-

рого Брина знала в детстве. Да, идеальным он не был, недостатков в нем хватало: нетерпимость, непреклонность, депотичность, а порой, напротив, пугающее равнодушие. Но он никогда не проявлял к ней жестокости, даже на словах. И если не считать его последнего поступка, который попросту ее шокировал, и из-за которого Брина вынужденно покинула дом, Лисандр был весьма себе положительной личностью. Он заботился о ней, опекал ее, пускай неявно, пускай неловко беспокоился о Брине. Да, потому что Лисандр умел быть другим: мягким, чутким, любящим. Он умел обволакивать теплом...

Умел. Когда-то. Но теперь он действительно изменился.

– Зачем ты заставил меня вернуться, Лисандр? – упавшим голосом спросила Брина и, спокойная, села на диван. Не стоило поддаваться эмоциям, подобное хорошо не заканчивалось, особенно с Лисандром. Пора узнать, что нужно от нее этому незнакомцу, и скорее убираться из Радлеса, пока этот город вновь не испортил ей жизнь.

– Как зачем? – удивился Лисандр, – мы же семья.

Сказанное позабавило Брину.

– Семья? Ты вспоминаешь об этом только тогда, когда тебе это выгодно.

– Я скучал.

Это и вовсе ее развеселило, Брина с интересом посмотрела на брата.

– Скучал? Когда ты развил в себе столь примитивные че-

ловеческие чувства?

Однако Лисандру весело не было. Он продолжал стоять, опустив в карманы руки, спиной к широким занавешенным окнам, и наблюдал за ней. На губах – все тот же намек на улыбку, вот только в глазах смех отсутствовал. Взгляд был серьезен и сосредоточен.

Брина внимательно вглядывалась в Лисандра, боясь ошибиться – вдруг показалось? вдруг привиделось? – когда внезапно он улыбнулся шире.

– Конечно, скучал. Разве по тебе можно не скучать? Ты всегда являлась смыслом моей жизни.

Брина закатила глаза и, сложив руки на груди, облокотилась о спинку дивана.

Показалось.

– Смыслом твоей жизни всегда была война с таинственными *ferus* (*фэрус*). Кстати, – ей стало любопытно, – ты до сих пор помешан на них? Уничтожение данной расы и сейчас является идеей фикс, без которой ты не смыслишь своего существования?

– А ты все так же легкомысленна в этом вопросе?

– Нет, что ты. Теперь я тоже считаю их великим злом, и хочу пойти на них войной. – Брина закивала: «Да, да, так и есть».

Лисандр покачал головой.

– Глупая.

– Тогда объясни мне, расскажи, почему я должна ненави-

деть их так же, как ты. Может быть, я проникнусь. Помнится, я не раз просила тебя поведать мне причину конфликта между нами, но ты молчал. словно государственную тайну оберегал.

Всю ее сознательную жизнь Брине внушали, что она особенная, уникальная, что она не похожая на людей царица. Ей говорили, что догмары это верхушка биологической цепи, и никакому другому живому существу с ними не сравниться – ей следует этим гордиться. Догмары сильны, в мощи и физической силе мужчины расы превосходили обычных людей. Они умны, хитры, интуитивны. Однако в жизни догмар существовало весомое «но», которое не давало им прочувствовать свою значимость до конца, ощутить полноценное удовлетворение – *belua ferus*.

Брина слабо понимала, почему догмары так сильно ненавидели *ferus*, а те в свою очередь ненавидели догмар, однако то было свершившимся фактом, который следовало принять. Братец ее никогда не стремился разъяснить ей всех нюансов многовековой вражды, не склонен был делиться информацией и удовлетворять любопытство Брины. Поэтому она никогда не разделяла одержимости Лисандра названными врагами, а также одержимости тех, кто стоял у руля расы догмар до него.

Вместе с тем Брина, разумеется, не считала *ferus* своими друзьями. Как и любой рядовой догмар Брина знала, что *belua ferus*, эти энергетически мощные создания из се-

бя представляют, на что они способны – например, уничтожить ее одним касанием своего ядовитого коготка, – пускай сама с ними никогда не встречалась. В ее памяти сохранился единственный случай из детства, когда она видела одного из них издалека. И этого ей хватило – он походил на страшного мерцающего великана!

Брина до сих пор не могла нарадоваться, что увидит *такое* ей свезло лишь единожды. Однако неэстетичный вид врагов не объяснял неприязнь, которую догмары питали к *fegus*, и не давал ответов Брине на интересующие ее вопросы.

И после этого Лисандр удивлялся ее легкомысленным отношением к устоявшейся вражде, после всей недосказанности, витающей в воздухе.

– Нет никакой тайны. Просто я не хотел втягивать тебя в это дело.

– Как благородно. Прости, если я не поверю в твои благие намерения. Сейчас у меня складывается впечатление, что у тебя до того поехала крыша, что ты питаешь собственнические чувства к своим врагам. У тебя пресловутое помутнение рассудка, причем прогрессирующее.

Лисандр задержал на Брине взгляд, а затем неторопливо направился к ней. Остановившись возле сливочного кресла, расположенного в стороне от кремового дивана, Лисандр грациозно сел, закинул ногу на ногу и буквально впился в Брину глазами.

– Знаешь, что такое маниакальное состояние? – Брина

молчала. – Это возбуждение всех твоих чувств, которое сопровождается неадекватным настроением и доходит до степени полного блаженства – эйфории. А знаешь что такое мания величия? – Брина и тут не произнесла ни слова, а лишь с особым вниманием ждала продолжения. – Это то, во что перерастает эйфория – в симптом психического расстройства. У человека происходит переоценка своей важности, ценности, известности. В конце концов, он начинает считать себя всемогущим. Для того, чтобы достичь подобного состояния, нужно, ой, как постараться, – Лисандр улыбнулся, – не каждому так везет. Сначала это просто веселая мания, когда ты бегаешь по ромашковому полю и кричишь, как прекрасен мир, и как многое ты можешь ему предложить. Затем в твоей голове зарождаются сверхценные идеи – прошу заметить, только для тебя, – которые ты желаешь продемонстрировать всем и каждому. Однако вся эта вступительная часть быстро заканчивается, и ты превращаешься во вспыльчивого, агрессивного монстра с ненасытной потребностью что-то делать, делать, делать... и еще раз делать. Ты просто не успеваешь за своим мышлением претворять в жизнь идеи, которые оно тебе предлагает.

Лисандр замолчал, в задумчивости потирая подбородок. Брина же не понимала: зачем он все это рассказывает, что дадут ей эти знания.

– Конфликтные они люди, с гневливой манией, – продолжил Лисандр, выдержав паузу. – Но вот только после все-

го вышеизложенного начинается самое интересное, – в карих глазах зажегся злой огонек, – когда посещают еще более абсурдные идеи, появляется мания преследования, паранойя... и бред величия. Да, да! Бред величия! – Лицо Лисандра внезапно просветлело. – Или мания величия – названия разные, суть все та же. Ты всемогущ, ты неуязвим. Меняется твое самосознание и поведение, ты уверен в своей гениальности... Так вот, к чему я веду. Представь себе, что манией величия страдает действительно великий человек, обладающий исключительными возможностями.

– К чему ты ведешь, Лисандр? Я всего лишь спросила, какова причина конфликта между догмами и *ferus*. Я не одна из твоих лизоблюдов, свои ораторские речи прибереги для них, на меня их очарование не действует.

Лисандр усмехнулся.

– Все так же нетерпелива.

– Все так же многословен.

– Все так же дерзка.

– Много воды, быстрее к делу.

– Так вот, – деловито заключил Лисандр, – это был своего рода пролог. Теперь основное. Когда-то давно жил да здравствовал догмар и звали его Догмар, – Лисандр коротко рассмеялся, а Брига навострила уши. Каждый, даже самый отсталый догмар, знал, кем был Догмар, о котором заговорил Лисандр. То был один из первых представителей расы, который, сплотив разрозненный народ, стал у него во главе,

а позже сформировал тот жизненный уклад, ту иерархию и мировоззренческие взгляды, которые пользовались успехом у догмар до сих пор.

– Самооценка у того была завышена, мимика живая, всегда преобладало хорошее настроение. Плохие новости его не омрачали, кушал он тоже хорошо, с аппетитом. Ну, ты понимаешь, да – маниакальность зарождалось полным ходом. И, конечно же, со временем прогрессировала – поведение его становилось все более неадекватным: настроение необычайно жизнерадостным, двигательная активность безгранично энергичной, жажда деятельности бурлила в нем как... лава в кратере вулкана. И ни одно из дел он уже не мог довести до конца. Мышление его стало настолько ускоренным, что он не успевал произносить свою мысль полностью, а лишь выкрикивал отдельные слова. Состояние...

– Лисандр, я поняла, что он страдал манией величия, рассказывай по существу!

Лисандр метнул в нее острый, недовольный взгляд, но послушался.

– Решил Догмар, что раз он такой исключительный да бессмертный, а люди ничего из себя не представляющие смертники, то и иерархия среди них должна быть соответствующей. Тогда он еще не достиг критической точки своей невменяемости и соображал вполне сносно. Случилось это больше пятнадцати веков назад.

– Так давно? Это легенда?

– Да и да...

– А есть подтверждения?

– Слушай и прекрати меня перебивать. – Лисандр сердито насупил брови и продолжил рассказывать, только теперь интонации его голоса изменились, исчезла проскальзывавшая прежде ирония. – Даже человек в софитах славы меняется и часто приобретает звездную болезнь. Представь, что было с сильным, бессмертным догмаром. Нездоровым догмаром. Он пожелал возвыситься над человечеством, заполучить весь мир. Звучит пафосно, но так и было. Однако возникло неожиданное препятствие в лице еще одной удивительной расы.

– Ferus.

– Ferus. Догмар узрел в диких зверях конкурентов, посягающих на предписанное нам величие, судьбой дарованную уникальность. Он просто не мог смириться с их существованием, поэтому велел организовать серию нападений. То были первые шаги, знаменующие зарождение многовекового противостояния. С того и началась наша вражда.

– С мании величия одного догмара...

– Не будь столь наивна, – осадил ее Лисандр. – Думаешь, ferus поступали иначе? Ратовали за мир во всем мире и проповедовали святую мораль? Они на протяжении веков пользовались людьми, насильствовали женщин и плодили подобных себе щенят. Ferus внедрялись в сообщества-организации и срамливали между собой людей, просто потому, что кто-то

из местных косо на них посмотрел. Fergus воздействовали на психику людей и переписывали неудобные им, препятствующие в чем-либо законы. Fergus... Да ferus много чего делали! Делали то, чего не делали мы. Fergus захватывали, брали то, что им не принадлежит – почему нельзя нам? Цель одна, итог один, различна только мотивация. И способы достижения желаемого. Каждый выживает, как может, и заботится исключительно о своих интересах. Да они бы глазом не моргнули – позволили Догмару истребить всю людскую расу. Главное – они сами и их неумные быстрорастущие желания. Аппетит приходит во время еды, милая. Не увеличь масштабов притязаний догмары, это сделали бы ferus. А затем, рано или поздно, их целью оказались бы мы. Ты либо охотник в этом мире, либо дичь. Мы пожелали охотиться...

Лисандр встал, прошел за кресло.

– И до определенного момента нам это удавалось. Проблема ferus заключалась в их разобщенности. Их было и есть немало, однако каждый проживал свою, эгоистичную, независимую от братьев жизнь. Проблема догмар заключалась в необычных способностях ferus. Их древняя оккультная магия за годы выпила у нас немало крови и продолжает пить ее до сих пор.

– И сколько же их? – спросила Брина.

– Точного числа мы не знаем. Однако численность не столь важна. Значимее то, что в кругу ferus, подобно кругу догмар и любых других человеческих сообществ, существует

своя иерархия. И головным мозгом иерархии fevus является их лидер. Доберешься до него – доберешься до остальных. Он как главный компьютер, контролирующий звенья одной сети: звенья сильнейшие и звенья слабейшие...

– Слабейшие? – удивилась Брина. – Разве не все fevus одинаковы?

– В том и выражается иерархия, о которой я говорю. Есть fevus «особенные», наделенные неповторимым энергетическим потенциалом и, соответственно, большими силовыми возможностями, а есть fevus посредственные, так сказать, середнячки. Сильнейшие вершат историю. В данный момент во главе с Александром.

Лисандр пристально посмотрел на Брину.

– Вот так и началась война, сестричка: догмары выслеживали fevus, сами fevus так же искали fevus, – он улыбнулся, – чтобы сплотиться, так как иного пути не осталось.

– И все из-за ненормального Догмара...

– Ради справедливости замечу, что не всегда он был таким.

– Но сейчас-то вы понимаете, что война это глупо? Зачем продолжать калечить и убивать друг друга? Неужели нельзя прийти к согласию, найти компромисс?

– Нельзя, – был резок Лисандр. – Сейчас это дело принципа – раз, и все та же защита собственных интересов. Ослабим поводья – сами окажемся в трясине, окажемся под гнетом этих дикарей. Думаешь, многовековая кровавая история за-

будется, составив какое-то соглашение? Думаешь, ferus простят нам то количество жертв, которые понесла, а мы, в свою очередь, примиримся с фактом их существования? Ты действительно в это веришь? – Лисандр возмущенно смотрел на Брину, тогда как сама Брина смотрела на него в ответ: с сожалением и с некой обреченностью...

– Раньше ты не был настолько одержим... Ты лишь помогал Деону. Да, вы оба ненавидели ferus, но в глазах твоих не было столько злобы, столько ожесточения и кровожадного огня.

Лисандр помедлил, но все же отошел к окну, к легчайшим белым занавескам.

– Ну? – поторопила Брина.

– Что «ну»? – откликнулся Лисандр.

– Что мы хотим получить от этой вражды теперь, Лисандр? – устало пояснила Брина, безошибочно определив потаенные желания брата. И объяснения из серии «многовековая война не забудется, и ни одна из сторон не пожелает мира», представлялись ей неубедительными. У Лисандра, несомненно, имелись свои мотивы поддерживать данный конфликт.

Брина знала брата лучше всех. Даже не так: она *единственная* его знала, – вот как.

Лисандр, до того внимательно разглядывавший свои уличные владения, обернулся и посмотрел на Брину странно-отстраненным взглядом.

– Сейчас мы хотим получить все то же, милая – смерть всех fetus. Только способы, коими мы добьемся желаемого, изменились. Если раньше мы охотились за мелочью и упускали из виду главное, то теперь мы поступим иначе. Теперь мы сосредоточимся на главном – на лидере fetus, на Александре.

– И, думаешь, fetus тебе позволят? *Александр* тебе позволит?

– У Александра кризис власти, – Лисандр помедлил... – и я планирую его усугубить. – Он загадочно улыбнулся.

Повисла пауза, в течение которой Брина разглядывала профиль брата: прямой красивый нос, чуть прищуренный, целеустремленный взгляд...

– На какой стадии находишься ты, Лисандр? – спросила Брина.

Лисандр оглянулся, ожидая пояснений.

– Маниакального состояния? На какой стадии маниакального состояния находишься ты?

Лисандр улыбнулся. Медленно так, по-доброму, даже с нежностью.

– Предэйфория. Готовлюсь бегать по ромашковому полю.

Брина поднялась. Она хотела закончить этот явно ненормальный разговор, от него ей становилось не по себе.

– Я устала и хочу отдохнуть. Надеюсь, завтра ты все же расскажешь, зачем просил меня вернуться, и я смогу отсюда уехать.

– Я уже сказал тебе.

– Правду. Я хочу услышать правду. – Брина поспешила покинуть гостиную.

– Ты так и не поприветствовала своего брата, – донеслось ей вслед. Брина остановилась. – Мы ведь не виделись... сколько мы не виделись?

– Не помню, – солгала Брина.

– А я помню. Сто два года один месяц и пять дней. – Бри-на чуть обернулась – Лисандр, не отрываясь, смотреть в окно. – Неужели за все эти годы ты ни разу обо мне не всплакнула? Не погоревала о моей участи? Не пожалела меня? Я полагал, что был твоим любимым братом, а ты моей любимой сестрой.

«Да, которую ты предал», – подумала Брина, однако вслух того не сказала. Как не высказала чувств, испытанных ею после его исчезновения – все, что он перечислил, было в их числе.

Бри-на простояла спиной к Лисандру некоторое время, но, так и не придумав, что бы ответить, покинула гостиную. Ее мучили противоречивые чувства, она уже не знала, чего в ней больше: любви к Лисандру или ненависти.

Уже поднимаясь по изящной лестнице, в обнимку с поднятой с полу сумкой, Бри-на ощутила некоторое неудобство, ее пронзил внезапный дискомфорт.

Она не сразу догадалась, что это вибрирует у нее в кармане.

Телефон. Это был телефон. Но не свой – его она забыла в машине.

Брина полезла в узкий кармашек и достала мобильный: мобильный, который одолжила у мужлана в баре.

Телефон продолжал звонить. На дисплее высвечивалось «Дей».

Значит, «Дей»... барному хаму звонил некий Дей. Занятно...

Брина отвечать не планировала: неприятностей ей не нужно, уже имеющихся хватало с лихвой.

Брина отключила звуковибрацию и вернула телефон обратно. Она ознакомится со смартфоном позже. Ради интереса и занятия времени. А пока... пускай звонит.

Некоторое время Лисандр оставался неподвижен, продолжая любоваться красотой и ухоженностью придомовых окрестностей, а затем достал телефон и позвонил Азарию, своей правой руке.

– Ты связался с ним?

– Нет, Лисандр, он не выходит на связь, – послышался прокуренный голос помощника. – До сих пор не выходит.

– Гаденьш. – Лисандр стиснул зубы. – Он играет с нами – играет *со мной*.

– Этого и следовало ожидать. Было ясно с самого начала, что играть по нашим правилам он не будет.

– Да, следовало. Но не прекращайте попыток. Я хочу, что-

бы этот ублюдок в ближайшее время стоял передо мной.

Лисандр отключился. Он получил не очень-то хорошую новость, однако нельзя сказать, что неожиданную. Он предполагал, что подлая тварюга может выкинуть что-то подобное – так оно и вышло.

А вот встреча с Лиси, любимой «лисичкой», прошла не настолько плохо, как могла бы пройти, но и не так хорошо, как хотелось бы. Она собиралась уехать. Снова. Скверно. Но не смертельно. Вскоре ей предстоит узнать не особо приятную правду – никуда она не уедет. Она приехала к нему, приехала домой – здесь и останется. С ним. В Радлесе. Навсегда.

Глава 3

Ролан прошел через массивные двустворчатые двери, защищенные древними, резными символами, преодолел стальную автоматизированную дверь, с разрешенным всем *fequs* на время свободным доступом, и оказался внутри светлого, песочных оттенков пространства. И тут же остановился, так как стал свидетелем неприятной картины, которую наблюдал который день подряд.

– Ты не будешь там появляться! – не сдерживая ярости, говорил Александр, следуя за «подругой сердца», Нелли.

– Буду, – отвечала шатенка, поднимаясь по железной лестнице.

– Нелли, – с угрозой прорычал Александр и стал подниматься следом за ней.

Картина называлась «Александр запрещает – Нелли протестует». Вот уже третий день Ролан приходил в этот славный лофт, и вот уже третий день он наблюдал одно и то же разве что в разных инсценировках. Например, вчера данный спор происходил на улице, прямо перед входом в некогда фабричное здание.

А спорила пара все о том же – о посещении Нелли бара «Красная метка».

Три недели назад в жизни Нелли произошла трагедия. От рук догмар, их злейших врагов, погиб ее друг, учитель, на-

ставник, человек, заменивший ей, беглянке из Салехарда, отца – погиб Зойл. Не каждый согласился бы приютить у себя неизвестную потерянную девицу без документов и внятных объяснений о том, кто она и откуда появилась. Однако Зойл не просто согласился и дал ей работу, мужчина стал для Нелли именно той опорой и поддержкой, которых ей жизненно не хватало. Он защищал ее, наставлял, давал советы, учил драться и обороняться, да и попросту жить, выживать в мире, так внезапно ставшем для нее чужим, населенным неведомыми сверхъестественными существами. Но Зойла убили, убили одни из тех самых сверхъестественных существ, нанеся ей глубокую душевную травму. Однако наследие Зойла осталось – бар Зойла остался и законным образом перешел в руки Нелли. Вот такая вот щедрость человеческой души. Зойл позаботился о Нелли, завещал ей «частицу своего сердца», как не раз повторяла Нелли, но тем самым, пускай ненамеренно, насолил Александру. Александру, полагавшему, что Нелли лучше жилось бы в лесу.

Ролан обернулся и посмотрел на входную дверь, чувствуя, что снова пришел некстати, хотя уже с улицы слышал, что происходило внутри лофта. Мог бы развернуться и уйти. Хотя и сейчас еще не поздно...

– Ролан! – с надеждой в голосе воскликнула Нелли и свесилась через перила, огораживающие площадку второго этажа.

– Ролан! – с упреком воскликнул Александр, метнув в

него негодующий взгляд. – Пожалуйста, вразуми ее!

Ролан мысленно отругал себя за медлительность и вынужденно прошел глубже, морально готовясь к новому столкновению пары, но уже с ним в качестве арбитра. Поскольку именно этого ожидала от него каждая из сторон – посредничества в виде поддержки исключительно своего, единственно верного мнения и принятого решения.

– Ролан, ты ведь посетишь сегодня бар и займешься установкой помоста? – Нелли с волнением ждала ответа.

– Да, мы же договорились. – Ролан поднимался к эпицентру бури.

– Ну... вдруг ты передумал. – Нелли замаялась. Видимо, полагала, что Александр успел промыть ему мозги.

Он пытался. Александр был недоволен тем, что Нелли, принимая в управление бар, оказывалась под прицелом всего Радлеса, и он ничего не мог с этим поделать, так как не мог постоянно находиться с ней рядом. Нелли же категорически отказывалась оставлять бар, передавать управление в чужие руки и уж тем более продавать заведение – для нее это было немыслимо. На этой почве и разгорались ежедневные скандалы, усугублявшиеся участившимися в последние несколько дней визитами Нелли в город. Визитами, которые, судя по сегодняшнему спору, она не собиралась прекращать.

– Я не передумал, – ответил Ролан, останавливаясь напротив взволнованной парочки.

– Ролан! – воскликнул Александр, высокий брюнет с эк-

зотичным разрезом глаз. – Неужели и ты не сознаешь, как много опасностей ее подстерегает? Ты-то уж должен это понимать.

– Ты предлагаешь ей не выходить из дома?

– Что за бред! – возмутилась Нелли.

– Ролан, я тебе запрещаю, – процедил Александр.

– Ну да.

– Я твой...

– Не в обычной жизни.

– Прекратите этот глупый спор! – не выдержала Нелли. – Он бессмыслен. Я не собираюсь всю жизнь просидеть за этими стенами. Здесь даже обсуждать нечего.

– Просидишь, надо будет, – недобро взглянув на нее, изрек Александр.

Нелли поджала губы и, отвернувшись от него, обратилась к Ролану.

– Все необходимое я заказала, привезли вчера...

Александр дернул ее за руку, разворачивая к себе.

– Догматы, это тебе не котята, нельзя поиграть с ними и забыть об их существовании. Они обязательно о себе напомнят! – Взгляд Александра лучился праведным негодованием: неужели она всего этого не понимает?

– Так установи свою волшебную защиту, – спокойно ответила Нелли. – Я говорила тебе, что не собираюсь подстраивать всю свою жизнь под этих нелюдей.

– Я повторю тебе эти твои слова, после очередного трупы у

твоих ног. – «Да-да, – говорил он глазами, – я именно Зойла имею в виду».

Нелли побледнела. Она стояла, смотрела на Александра и не могла поверить, что он действительно такое сказал. Сказал, зная о вине, которую Нелли до сих пор за собою чувствовала из-за смерти Зойла.

Нелли вырвала руку из лап Александра, отвернулась и ушла прочь.

– Это было жестоко, – заметил Ролан, наблюдая за удаляющейся женской фигурой – Нелли спускалась по лестнице.

– Может, хотя бы так до нее дойдет. – Александр не собирался раскаиваться. Он провожал Нелли холодным взглядом ровно до тех пор, пока она не оказалась на первом этаже.

– Когда ты установил защиту?

– В ту же ночь, как узнал потрясающую новость о свалившемся на голову наследстве.

– Новость и вправду потрясающая.

– Для кого? Для Лисандра? – Александр посмотрел на Ролана. – И ты еще собираешься ей помогать.

Ролан действительно собирался помочь Нелли, невзирая на протест Александра – помочь с обустройством бара.

Как только Нелли подписала все необходимые документы, и стала законной владелицей бара «Красная метка», она не просто переняла эстафету у Зойла и продолжила вести каждодневные дела заведения, – нет, Нелли стала активно модернизировать детище мужчины. И первое, что она заду-

мала – установка сцены со всем необходимым техническим оборудованием, на которой для посетителей вечерами будет исполняться живая музыка. Ролан про себя улыбнулся: это были амбиции, это была деловая хватка, это был разъяренный Александр. И кого же она попросила заняться установкой сцены?

Его, Ролана. Ведь именно Ролан являлся мастером – техником, конструктором и строителем в одном лице, который мог ей с этим помочь, так как именно Ролан на протяжении веков занимался подобной работой в свое удовольствие: инженерия самого разного толка являлась и продолжала оставаться его хобби. Он прекрасно разбирался в технологиях и различных механизмах, был отличным программистом. И кто же ей об этом рассказал?

Сам Александр, который не находил теперь себе места и наверняка корил себя за свой длинный язык.

Но, возможно, именно участие в данном мероприятии Ролана стало причиной того, что Александр с Нелли вообще на эту тему разговаривал, что-то с ней обсуждал, а не запер бесправной пленницей в доме. Нелли и бар – это одно, а Нелли, бар и посторонние люди, ошивающиеся около нее с утра до вечера, представляющие для нее опасность, и, возможно, выведывающие неположенные для посторонних ушей секреты – это другое. Александр не был параноиком, он был *fevus*, в реальности которого существовали догмамы. И Ролан Александра понимал: одно дело посещение бара из-

редка, по острой необходимости, как обычно fetus посещали места большого скопления людей, и совершенно другое – полноценное руководство заведением, как планировала сделать и уже начинала делать Нелли. Вот только существовала одна проблема, во взглядах на решение которой Ролан с Александром не соглашался – проблема своеобразного пленения Нелли. Александру следовало научиться ставить себя на место других, чего он делать никогда не умел... или не хотел. Сам-то он пожелал бы день за днем прозябать в ограниченном пространстве собственного дома?

Нет. Для fetus подобное существование – пытка. Поэтому Ролан и встал на сторону Нелли. Для их общего семейного спокойствия Нелли необходимо чем-нибудь заниматься помимо лицемерия, безусловно, прекрасного лофта. Александр рано или поздно это поймет, главное, чтобы спусковым крючком к пониманию не стало непоправимое событие.

– Я присмотрю за ней, – сказал Ролан, покидая светлый холл и проходя вместе с Александром в «закрытую», спальную часть лофта.

– Надеюсь, в конце концов, появится дочь этого человека и оспорит завещание – времени для этого предостаточно.

И вот тогда послышался крик – громкий, душераздирающий, женский. Крик Нелли.

Спустя всего пару мгновений они стояли на первом этаже и смотрели на причину истошного вопля девушки. Наблюдали за тем, как напротив испуганной, ошарашенной Нелли

стоит большая, грозная фигура, с белыми как снег волосами. Напротив Нелли стоял Рагнар.

Ролан смотрел на Рагнара в некотором недоумении: увидеть его не ожидал – не так скоро. Ролан предполагал, что после неллицеприятного телефонного разговора с Александром, о котором Александр рассказал находящимся в Радлесе ferus вкратце, не вдаваясь в подробности, Рагнар исчезнет с их горизонта. Но, видно, Рагнару надоело изображать оскорбленную невинность, и он все же решил вернуться. В любом случае Ролан не питал к нему неприязни: Рагнара он не выдел тридцать лет, да и помощь им не помешает.

Ролан посмотрел на Александра. А вот этот ferus не испытывал положительных эмоций по случаю возвращения собрата, и причина того – неразрешенный конфликт между ним и Рагнаром.

Тридцать лет назад, когда Александр сообщил всем ferus, что обрубаёт ментально-энергетические контакты между ними, именно Рагнар стал ярким критиком и обвинителем Александра в позорности принятого им решения. На самом деле таких агрессивно-несогласных было несколько, среди которых Рагнар, Дей и Самаэль. От Самаэля вестей не было, как и от остальных нескольких ferus, не вернувшихся в Радлес на зов Александра. Поэтому, что там испытывал Самаэль теперь, оставалось загадкой. Дей спустя годы сумел простить Александра, что могло показаться странным, учи-

тывая непростой взрывной характер fevus. Однако насколько быстро он заводился, настолько же быстро отходил. Рагнар же, напротив, спустя годы только окреп в своем твердолюбом мнении о ложности выбранного Александром пути, и стал еще более яростно настроен против предводителя. И причина заключалась не только в задетой гордости и обиде на Александра. Дело было в том, что Рагнар являлся истинным представителем fevus в соблюдении бессменных принципов расы: он чтит традиции и обычаи fevus, поддерживал устои и искренне не понимал, как можно так легко и просто растоптать их многовековую дружбу: особую дружбу, где они контактировали друг с другом на расстоянии, посредством особой связи. Их отцы, их предки никогда бы себе такого не позволили, поэтому Рагнар не мог уразуметь, как на такое решился Александр.

Наверное, Рагнару следовало родиться несколькими поколениями ранее. А возможно, отец его был более талантливым учителем и лучше привил сыну важнейшие догмы fevus.

Рагнар переводил сверлящий взгляд с Александра на Ролана, с Ролана на Александра. Нелли он будто не замечал. Она и сама не стремилась попасться ему на глаза: успев оправиться от испытанного шока, она отскочила от устрашающей фигуры на приличное расстояние. И правильно сделала: помимо негибкого характера и традиционных взглядов, Рагнар унаследовал от предков и особую нелюбовь к людям. А учитывая его внешний вид, людьми обычно плохо воспринимае-

мый... Нелли до сих пор смотрела на него едва ли не разинув рот. Жесткого строения лицо, обтянутое огрубевшей, шероховатой кожей, крупный увесистый подбородок, широкий рельефный лоб; глаза цвета прозрачных льдинок: голубой оттенок обесцвечивался, мягко переходя в белесую гамму с черными узкими зрачками посередине. А если прибавить ко всему перечисленному холодный прищур, ледяющий даже самую стойкую человеческую душу, оставалось лишь почувствовать Нелли в связи с тем, что ей пришлось пережить за эти несколько мгновений, потребовавшихся для визуального знакомства с Рагнармом.

– О таком приеме я мечтал всю свою жизнь, – гортанно изрек Рагнар и прошел мимо отделившейся Нелли, так на нее и не взглянув.

Рагнар остановился напротив Ролана с Александром.

– Мы не ждали тебя так скоро. – Ролан рассматривал fequs с близкого расстояния: волосы, теперь подстриженные, едва достигали плеч, а спереди обрамляли лицо неровными прядями; широкие серые брови, едкий блеск в глазах.

Рагнар хотел ответить...

– Зачем ты вернулся? – Однако Александр ему помешал. Все это время он с каменным выражением лица наблюдал за Рагнармом, но, как видно, сил наблюдать не осталось, душа требовала ответов.

Рагнар на мгновение замер, сузил глаза, ответил:

– Познакомиться с твоей подружкой.

– Подружкой, значит...

– Да, – Рагнар перевел арктический взгляд на Александра, – это определило мой выбор.

Александр сжал челюсти.

– Так знакомься. – Он посмотрел на Нелли, все так же стоящую недалеко от входа и с волнением наблюдающую за разворачивающейся сценой.

– Уже познакомился, – сказал Рагнар, заставив Александра забыть на время о любимой, – и того, что я увидел, мне хватило. – Рагнар не собирался сглаживать острые углы и пытаться наладить отношения с Александром. Такое поведение разочаровало Ролана: он полагал, что за время отсутствия Рагнар отошел от сокрушительного удара и отпустил обиды. Как видно, Ролан ошибся. Невзирая на прошедшие годы, горечь свершенной несправедливости не притупилась и Рагнар не смог переосмыслить случившегося и взглянуть на ситуацию с другой, менее драматичной стороны.

– К твоему сведению, Нелли больше, чем подружка. – Александр сделал шаг к оппоненту.

– Ну да, она подружка-человек.

– Не совсем, – вмешался Ролан. Рагнар посмотрел на него.

– Что значит «не совсем»? Она что же, гибрид? – Рот Рагнара насмешливо скривился.

– Катись-ка ты отсюда туда, откуда пришел. – Александр целенаправленно пошел на Рагнара. – Тебе ясно было сказано, что для тебя здесь все двери закрыты!

Ролан выставил руку перед разозлившимся, и без того накрученным за утро Александром, удерживая того на месте.

– Не лучшее время для ссор вы выбрали. Вы облегчаете жизнь нашим врагам.

Рагнар стоял на месте.

– Вообще-то такого ты не говорил.

– Я точно воспользуюсь своим правом и лишу тебя самого дорогого, – таинственно прошипел Александр, глядя в глаза Рагнару. Однако тот понял. Все поняли. Кроме Нелли. – Да отпусти ты меня! – крикнул Александр и освободился от захвата Ролана. Затем отвернулся и отошел на пару шагов, желая успокоиться.

– Если бы ты действительно того хотел, давно бы сделал. – Голос Рагнара нарушил недолгую тишину.

– Ооо, я очень этого хочу! – с воодушевлением произнес Александр, взглянув на свой раздражитель.

– Но тогда придется наказать и остальных, не так ли? – не без толики злорадства сказал Рагнар. – «Наказание за неподчинение». Кажется, так ты мне говорил.

В глазах Александра читалось презрение.

– Да, придется. И это спасает твою жалкую шкуру.

Рагнар улыбнулся, и в эту улыбку вложил все те чувства, которые сейчас испытывал – чувства триумфа и превосходства.

– Чего ты злишься, Александр? Я же откликнулся на зов, не этого ли ты хотел? Собрать нас, дружных *ferus*, вместе.

Что же не так? Или ты думал, что наши взгляды на жизнь и характеры вдруг изменились от того, что ты привел в свой дом человека? Наша сущность вдруг стала другой? – Он понизил голос. – Или, может, тебя до сих пор гложет чувство вины за свой настолько же малодушный, насколько и яркий поступок тридцатилетней давности, а я лишь нежелательное тому напоминание?

Александр неторопливо подошел к Рагнару и встал к нему почти вплотную.

– Нет, – сказал Александр, – я думал, что за эти годы ты все же поумнел. Смотри, сколько времени прошло, а все впустую.

– Значат ли эти твои слова, что ты не чувствуешь за собой вины? – в тон Александру спросил Рагнар. – Брось, Александр, я знаю тебя практически всю жизнь, и меня не обманут твои заверения в отсутствии раскаяния. Только ты не хочешь этого признать. Тебе легче винить других в невежестве, в неповиновении и нарушении приказов, но только не себя. Ты первый нарушил правила, а теперь обвиняешь в этом других.

На лице Александра не дрогнул ни единый мускул, тогда как внутри разворачивалась бойня – Ролан чувствовал исходящие от Александра деструктивные вибрации. Рагнар бил по больному: Александр сделал то, чего не позволял себе ни один лидер до него – оборвал энергетические связующие нити между *ferus*, тем самым ослабил их, своих людей, пускай

и действовал из лучших побуждений. Только одному Александру известно, что он испытал и продолжает испытывать по этому поводу, и с этим Александром жить. Рагнару же, казалось, было жизненно важно доказать свою правоту и вырвать у Александра признание: признание в том, что Александр ошибся, принял тогда неверное решение, – Рагнар с тупым упорством того добивался. Добивался в прошлом, десятилетия назад, добивался теперь.

– Поздоровайся с моей женщиной, – угрожающе сдержанно, едва ли не по слогам повторил Александр.

Рагнар долгие мгновения смотрел на Александра, словно желая оценить степень воздействия сказанных им слов и понять настроение лидера, а затем все же посмотрел на девушку. На девушку, которая вовсе не желала такого внимания. Напротив, весь ее облик говорил о том, что она только рада будет, если с ней не поздороваются и забудут о ее присутствии в приступе краткосрочной амнезии: Нелли явно хотела уйти, и только волнение за Александра удерживало ее на месте.

Глаза Рагнара лишь на секунду задержались на ее лице, а после продолжили путь по телу, осматривая Нелли в полный рост, словно не стоящую внимания безделушку. К тому моменту, как глаза Рагнара вернулись к ее лицу и встретились с голубыми глазами, взгляд его из «Мне скучно» сменился хлестким, издевательским «И это лучшее, что ты нашел?».

Рагнар посмотрел на Александра, не спускавшего с него

повелительного взгляда, а затем отошел от них и стал осматривать дом.

– Я не ясно изъясняюсь? – донеслось ему вслед.

– Здравствуй, Нелли, – не оборачиваясь, сказал Рагнар, сделав Александру очевидное одолжение.

Александр пошел на Рагнара, но Ролан снова удержал его на месте, выставив ладонь на его груди.

– Не сейчас. Нам всем следует успокоиться.

«Вернее, вам следует успокоиться, а мне свалить отсюда и продолжить свое мирное существование». Ролану хотелось вернуться в свою тихую гавань – бесшумную, в меру аскетичную квартиру и продолжить заниматься своими будничными занятиями.

– В общем, ладно, пойду я, – сказал Рагнар. – Однако теперь я буду появляться здесь чаще. Подобно остальным. – Он посмотрел на Ролана, улыбнулся и, не дожидаясь слов прощаний, неторопливо исчез за дверью.

– Когда-нибудь он доиграется. – Александр устремился к Нелли, дойдя, схватил ее лицо в ладони и припал к губам. – Ты в порядке? – спросил, отстранившись, заглядывая ей в глаза.

– Да... все хорошо, – ответила Нелли несколько неуверенно. – Просто он... Рагнар... необычный. – Нелли явно смягчила определение.

– Необычный, – уничижительно повторил Александр и отпустил Нелли.

– Ты как? Это тебя нужно...

– Тебе следует посидеть в своей комнате. – Александр схватил Нелли за плечи, поймал ее взгляд. – Как можно меньше ездь в город и не попадайся на глаза Рагнару, пока я не вдолблю в его непробиваемую голову, как обстоят дела теперь: положение вещей изменилось, и ему следует либо смириться с твоим присутствием и вести себя соответствующе, либо катиться во все четыре стороны.

Нелли вырвалась из рук Александра. В глазах только что источавших заботу и беспокойство пылали злость и раздражение.

– Это что, решение всех твоих проблем – отсидеться где-нибудь и желательно взаперти? Отсидеться в доме, отсидеться в комнате, никуда не ходить, не ездить в город, сидеть и прятаться от трудностей?

– Я беспокоюсь о тебе!

– Даже в собственном доме? Теперь я и тут не могу свободно передвигаться и должна опасаться не только врагов, но и вроде как друзей?

Нелли зашагала к лестнице, затем вдруг остановилась и, развернувшись, сказала:

– Ах, да. Я говорила тебе, что собираюсь съездить в Салехард, чтобы решить накопившиеся там проблемы?

«Что?» – беззвучно, одними губами вымолвил Александр.

– Да, в Салехард. Я ждала подходящего момента, чтобы сказать тебе это... но, видимо, подходящего момента нико-

гда не будет! – Нелли отвернулась и продолжила путь наверх.

Александр было двинулся следом...

– Да не сейчас! – Ролан что же, единственное благоразумное существо в этом доме, сохраняющее ясность рассудка? – Дай ей время остыть, да и себе тоже. Поговорите, когда оба успокоитесь.

– Ты слышал, что она сказала? – Александр посмотрел на Ролана взглядом, ясно сказавшим тому, *что* он думает о нем, раз предлагает такое.

– Слышал, и это только убеждает меня в верности моих суждений.

– Мне нужно поговорить с ней. – Александр помчался за Нелли, а Ролан остался один в пустом просторном зале, словно единственный выживший после торнадо в окружении руин.

Ролан выдохнул и ни то опустошенный, ни то воодушевленный временной передышкой в безумной череде событий, так внезапно поглотившей их несколькими месяцами ранее, отправился заниматься своими делами.

Наконец-то. Наконец-то он сможет расслабиться и отвлечься от нескончаемой череды проблем и, возможно, хотя бы так сбросит с себя накатившую в последние дни апатию – странную, неизвестно с чего захватившую его апатию. Возможно.

А, возможно, утро нынешнего дня, это лишь начало: разминка, призванная подготовить его к куда более серьезным

событиям, бурным и диким по своему накалу, которым только предстоит войти в его жизнь; своеобразное зарождение урагана, которому разрушительным потоком суждено пронестись по его упорядоченным дням, чтобы истребить эту самую упорядоченность. Да, возможно.

Однако у каждого урагана есть свое имя.

Каким же именем будет называться его?

Глава 4

Над нею кружилась муха.

Она подлетала к самому уху, говорила «бзз-бзз-бзз» и улетала. Затем подлетала снова, бзздила в ухо повторно и вежливо сдавала назад – ее бзздикалка постепенно затихала. И так раз за разом: муха прилетала, повторяла одноименную песню и растворялась в воздухе.

Брина замахала руками, пытаясь отогнать дрянную подальше, и глубже зарылась под подушку. Брина страшно хотела спать, она даже глаз разлепить не могла. Утомительные дни в дороге, эмоциональный разговор с Лисандром, а тут еще крылатая гадюка, которая тревожила сладчайший сон.

Однако муха все не унималась, ее крепкий сон не давал твари жизни.

Пьяной бабочкой вынырнув из-под подушки, Брина уставилась в темную стену. Во-первых, немного тупила и, тупя, не понимала, что происходит. А во-вторых – Брина ждала: ждала повторного пришествия мухи.

Только пришествия отчего-то не было, муха все не появлялась. Зато появился странный звук...

Брина посмотрела на прикроватную тумбочку, туда, где тонули в сумраке часы, и увидела – мобильный телефон. Сияя ярче беспарной фары, бзздил и бзздил мобильный телефон.

Так это не муха! – осенило Брину. – Вибрировал все тот же дурацкий телефон – уже ненавистный ей телефон!

Брина обреченно опустила голову и потянулась к дурному устройству. Разве она его не отключала...

Она уже жалела, что на него посягнула – вот и получит подглазные синяки.

...хотя припомнила: отключала звук, но не телефон, и Брина поступила так намеренно. Показалось, ситуация с недоступным абонентом может вызвать ненужные подозрения, беспокоит звонивших мужлану людей. Можно подумать, не отвеченные звонки знакомых мужлана не беспокоят.

«Крылатой гадюкой» оказался Дей. И снова тот же Дей...

Уймись же Дей, ну что тебе надо. Раз не отвечают, значит, в напряг.

Найди в себе гордость и прекращай звонить.

Она не собиралась реагировать на звонки, адресованные грубому хаму, честное слово, не собиралась. Рука сама потянулась к экрану и провела пальчиков вверх. Маленький Люцифер, поселившийся в душе еще в далеком и светлом детстве, мгновенно ожил и загоготал, ожидая свершения возмездия.

Несколько долгих микроскопических секунд в трубке стояло молчание... а затем поехало!

– Твою ж мать, Ролан, какого черта ты не берешь трубку! Я тебе целый день названиваю!

Интересно. Значит, Ролан. Так его звали, владельца телефона.

– Ты это намеренно, да? Потому как не представляю причин, которые оправдали бы твой поступок! Не ожидал от тебя такой подставы!

А он еще тот деспот, этот Дей...

– Ролан! Ты что совсем онемел?

– Ну... не совсем, – сказала Брина хриловатым ото сна голосом.

Воцарилось молчание. Дей не отвечал, тогда как Брина ждала реакции. И чего молчит? Конечно, странно, что ответила она, но не настолько же? Наверняка его друг любил погуливать и проводить время с женщинами, он ведь такой... такой... в общем, недурственный этот Ролан, хоть и невежа.

Дей откашлялся:

– Могу я... услышать Ролана? – проговорили весьма сдержанно, но Брина уловила нотки нетерпения.

– К сожалению, не можете, – все с той же истомой в голосе ответила Брина.

– Почему не могу? – Наезд и требовательность. – Это номер Ролана. – Утверждение.

– Верно.

– Тогда...

– Он сейчас занят.

– Занят? И чем же интересно? – спросил с недоверием.

О нет: неужели Ролан гей?

– Чем же он может быть занят? – Брига мягко рассмеялась, право, глупейший вопрос. – Знаете, вы нам слегка помешали. – Она легла на спину и закинула ноги на стену. – Ролан в душе: моется, ну, и не только... Вы ведь не нуждаетесь в объяснениях, не так ли?

Мужчина утвердительно промычал – не нуждается.

– И, если вы не возражаете, мне бы хотелось вернуться к нему.

– И все это время...

– Он был со мной. Конечно, не все время в душе, – и снова смех, и снова очарование, – ух, здесь был не только душ... простите, увлеклась.

– Ничего, бывает, – казалось, заставил себя ответить Дей: уж больно натянуто прозвучало.

– Однако горячий парень, ваш Ролан...

– Очень горячий...

– ...вам повезло...

– Мне особенно... Мне?

– И вот еще что: он просил в ближайшие два дня его не беспокоить. Да-да, он будет очень занят, еще пуще прежнего: Ролан вошел в азарт. – Тут Брига представила, как телефон начинает раздирать через два дня, представила, как снова не может спать, и синяки чернящие под глазами тоже представила... – Хотя, нет. Не звоните. Он сам с вами свяжется. Мы ведь взрослые люди, и все понимаем, не правда ли?

– Дааа... – ничего не понимая, протянул Дей. – Только все

же могу я...

– Вот и прекрасно, – сказала Брина. – Прощайте, – и дала отбой.

Пронеслооо...

Откинув руки в стороны, с закинутыми на стену ногами, Брина уставилась в потолок. Чувствовала себя утопающей, сумевшей спастись в последний момент. Это какой стресс она только что испытала!

В следующий раз поступит, как поступают умные люди – вынет симку и спустит ее в унитаз. И нет тебе проблем.

Брина поднесла телефон к лицу. Неплохой такой смартфончик: явно недешевый, черненький, с навороченным сенсорным экраном. Не то, что ее подыхающий – с некоторых пор она сэкономила на всем.

Брина зашла в журнал звонков. Неотвеченные вызовы. Так. Один от Александра, два от Нелли, и двадцать один от Дея! Да что у него стряслось? Это же не два и один, это двадцать один!

Она стала досконально изучать мобильник.

Телефонная книга. Снова Александр, снова Дей, какой-то Кассиэль, печально известная Нелли, Океан...

Точно гей. Одни мужики. А как же женщины? У него их нет? Например, постоянная девушка. – Нелли не в счет. Какая-то она... неподходящая.

Или же он настолько ветренный, что даже для приличия их не записывает – каждый вечер новая подружка? А с виду

такой весь правильный.

Сообщений тоже никаких, ни входящих, ни исходящих. Он вообще с людьми общается? Хотя, может, у него в запасе еще один телефон, который и является средоточием жизни.

Брина села: ноги слетели со стены, на губах затрепыхалась улыбка. В ее воспаленном сознании зрел очень нехороший план. Прямо очень нехороший. И дабы его не осуществить, ей следовало отвлечься.

Брина встала с кровати и, поспешив, включила свет: за окнами смеркалось, и в комнате было тускло.

Она оглядела спальню. Розовая. Вся. Было время, она обожала розовый: на стенах – розовые обои, на обоях – розовые розы, на кровати – розовое покрывало с рюшами.

Даже страшно стало.

Подойдя к «кукольному» зеркалу, являвшемуся частью спального гарнитура, привела себя в порядок и направилась к двери – ей нужно прогуляться. Затем оглянулась и посмотрела на телефон, оставленный лежать на кровати. Отвернулась. Снова посмотрела. Снова отвернулась, взялась за дверную ручку, однако мысли в голове не давали покоя...

Заставив себя от них отрешиться, она открыла дверь и торопливо вышла наружу. Прошла немного по белоснежному холлу, думая, где бы в Радлесе развлечься... но не выдержала – устремилась обратно в комнату.

Брина, окрыленная, влетела в спальню, на ходу захлопывая дверь, и запрыгнула на мягкую кровать. Ноги сложила

под себя, удобнее на ней устраиваясь, взяла телефон и, наплевав на всякую осторожность, стала претворять свой нехороший план...

***

Телефон звонил, казалось, четверть века, однако, чтобы ответить, до него еще следовало добраться.

Нелли буквально слетела с лестницы и помчалась к аппарату, который подзывал к себе, располагаясь на кухонной стойке.

– Да, – ответила Нелли, задыхаясь. – Я вас слушаю.

– Вы что все сдохли, мать вашу! Неужели ни один из вас не в состоянии ответить на звонок! – На нее прямо-таки орали: Дей был явно не в духе. Хотя как часто он в духе был? – Чем вы все таким важным занимаетесь, что не можете даже на кнопку «ответить» нажать?!

– Дей, – скривилась Нелли. И стоило так бежать? – Ты как всегда радуешь меня своим прекрасным настроением. Это только мне так везет?

Она услышала рык.

– У меня нормальное, более чем обыкновенное настроение. На что ты намекаешь? – огрызнулся Дей.

– Не намекаю, так и говорю: вполне себе обыкновенное настроение. И о каких «все» идет речь?

– Видимо, он о нас, – послышался низкий гортанный голос за спиной.

Нелли едва не подпрыгнула от неожиданности. Она испуганно обернулась и прямо напротив, за барной стойкой, но в самой глубине сумрачной кухни, увидела Рагнара: *ferus*, который, спиной опираясь о гарнитуры, стоял, жевал куриную ножку – именно ее он держал в руке.

Как она его не заметила? Не обратила внимания на то, что здесь кто-то есть? Рагнар стоял от нее в нескольких незначительных шагах, с аппетитом кушал – он занимался этим до сих пор, ни коим образом не смущенный ее присутствием, – и при всем при этом оставался бесшумным и абсолютно незаметным.

– Нелли! – прикрикнул Дей. – Ты что заснула? Ты меня слышишь?

– Да слышу! – раздражилась Нелли. Рагнар продолжал вгрызаться в обглоданную ножку, при этом, не спуская с нее белесого и очень ее пугающего взгляда. Он буквально прожигал в ней дыру презрения, недоброжелательные флюиды так и летели в ее сторону. – У нас гости, – сказала Нелли, – вернулся Рагнар.

– Рагнар? – удивился Дей.

– Рагнар. Порадуешься позже. Зачем ты так настойчиво звонил? – Нелли отвернулась от незваного гостя и, подумав, немного отошла. Наверняка, он снова пришел к Александру. И, как любили делать все *ferus*, пришел без предупреждения. Александр вряд ли одобрит его повторное появление...

– Мне нужен Александр. Никак не могу до него дозво-

ниться.

– Дома его нет. Он возобновил поиски исчезнувших с радаров ferus. – Со своих ментальных радаров. И это не два-три «человека», это численность одной полноценной нации. Поэтому сейчас Александр «медитирует» в объятиях природы. – Придется подождать.

– Дерьмо, – выругался Дей.

– А в чем проблема? Что-то случилось?

Дей молчал.

– Может, кто-нибудь другой сможет тебе помочь? – осторожно поинтересовалась Нелли. – Позвони Ролану, вы же близкие друзья.

– Нет, он не сможет мне помочь, – выдавил сквозь зубы Дей.

– Почему? – удивилась Нелли. – Сейчас он в баре, занимается моей просьбой, но если у тебя что-то срочное...

– Нет, его в баре нет, – еще более напряженно ответил Дей.

Странно: Ролан говорил, что пробудет там до позднего вечера. Но заострять на этом внимание не стала: нет, так нет, значит, ушел.

– Тогда приезжай к нам, Александр, наверняка, скоро вернется.

– Я... не могу. – Дей замялся.

– Почему не можешь? Где ты?

Повисла пауза.

– Дей, – настороженно позвала Нелли.

– Слушай, не твое дело, ясно? Далеко я. Просто передай ему, что мне нужно с ним поговорить. Это срочно.

Грубиян. Она до сих пор ему не нравилась. Еще одна противная ехидна из мизантропичной плеяды *ferus*.

Но Нелли не такая. Нелли сердобольная. Она поможет потерянной душе, и предложит ей выход из сложной ситуации.

– Может, попробуешь связаться с ним посредством ментально-энергетической связи?..

В этот момент Нелли ахнула и едва не выронила трубку. Она всем телом подалась назад, да настолько резко, настолько неожиданно, что чуть не споткнулась о собственные ноги. В области плеча послышался треск.

Кто-то дернул ее за блузку, и столько варварства было в этом действе, что Нелли только рот открыла от удивления.

Ошарашенная, Нелли обернулась и уставилась на Рагнара. Тот стоял позади нее и со скепсисом во взгляде смотрел на ее плечо.

– Ты что творишь? – задыхаясь от возмущения, только и смогла что выговорить Нелли. До нее доносились возгласы Дея, однако понять их Нелли не могла, она и не пыталась. – Ты в своем уме?

– Не верю, – исторгнул из себя Рагнар, с недоверием разглядывая ее плечо. И вел себя при этом так, словно ничего предосудительного не произошло, словно превратить ее блузку в тряпку – это так, в порядке вещей. – Похож, но не верю, – повторил Рагнар и отошел на прежнее место.

– Во что ты не веришь?! – крикнула Нелли, теперь не сдерживая вскипевшей ярости, и швырнула в него телефонную трубку.

Рагнар чуть отклонился, что даже не напряг, наверное, ни один из своих позвонков, а трубка с оглушающим треском врезалась в стену и разлетелась на мелкие кусочки. – Ненормальный! Как ты смеешь!

– Не порть чуж... имущество.

Какая наглость, какая дерзость...

Нелли кипела негодованием. Она готова была его убить!
Она...

– Нелли, ты чего застыла в позе разъяренного бизона? Готовишься к встрече с Александром?

Нелли обернулась на голос. В дверях стоял Океан.

Что он здесь делает? Что они все здесь делают? Почему приходят сюда, как к себе домой? Когда этот дом превратился в проходной двор? Это же невыносимо, просто невыносимо!

Океан притормозил. Насторожился.

– Эй, что здесь происходит? – Он посмотрела на Рагнара. – Ты чего здесь забыл? – Переключился на Нелли и внимательно ее оглядел.

– Ты что... это... – Океан указал себе на плечо и поводит по воздуху пальцем. – Это ты ей...

– Я лишь хотел проверить то, что ты мне рассказал, – ответил Рагнар, складывая на груди руки, – и посмотреть на

знак.

– Для этого не нужно ее раздевать!

– А как я должен был его увидеть? Отвести ее на рентген? – На сухом огрубевшем лице замаячила плотоядная улыбка. Наглая, отвратительная улыбка!

– Пора привыкать к новым реалиям. Ты не во времена пещерных людей живешь, а в современном цивилизованном мире. Научись уже хоть каким-то манерам.

– Зачем? – удивился Рагнар. – Думаешь, Лисандр все же пригласит меня на ужин?

Нелли не выдержала, казалось, выкрикнула, тогда как, в действительности, пробормотала:

– Убирайтесь... Убирайтесь из моего дома...

Но ее не слышали.

– А тебе все мало, да? Мало проблем? Ты нарочно доводишь Александра?

– Ну, вы ведь ему не расскажете? Пожалуйста, не надо, – попросил Рагнар, и столько лицемерия было во всем этом, столько притворства и отталкивающей неискренности, что Нелли не стерпела – поспешила уйти.

На извинения рассчитывать не приходилось. Со слов Александра, Рагнар никогда не отличался тактичностью и всегда позволял себе много чего лишнего просто потому, что ему этого хотелось. И никакие правила, нормы, законы, и уж тем более моральные принципы над ним не властвовали. Такова была природа *ferus*, потому никто и не думал ему воз-

ражать – все они этим грешили. Но всему плохому, грубому и неотесанному приходит конец – в жизни Нелли точно. Потому она не станет терпеть подобного в своем – да, теперь в своем – доме. Ни за что.

– То, что я рассказал тебе – правда, так что прекрати к ней лезть! – услышала Нелли Океана, пока бегом поднималась по лестнице.

– Мой мозг отказывается в это верить.

– Твой мозг давно очерствел и омертвел. Просто прекрати нарываться на неприятности! – Нелли услышала удаляющиеся шаги, и практически тут же звук дребезжащей дверцы.

Не впечатленный речью друга, Рагнар опять полез в холодильник.

Глава 5

Железная дверь распахнулась, словно в нее сдури вломили ногой.

Захватившие сознание мысли растворились в просторах зала, заставив Ролан посмотреть на внезапно прибывшего.

Прибывшим оказался Дей, что слегка Ролана удивило. Сам он дожидался Нелли, чтобы обсудить с ней некоторые вопросы касательно начатой работы в баре. Она сама попросила его прийти – как видно, Нелли решила ограничить свои визиты в «Красную метку». Вот и примостился на ручке дивана, временами поглядывая на зелень за окнами, не менее зеленую, чем цвет занятой им мебели.

А вот что здесь делал Дей?

Александрю не понравятся их зачастившие визиты, одиночки-ferus не любили вторжений.

Выглядел друг не лучшим образом: взвинченный, напряженный, внешне взъерошенный. Волосы, достигавшие ключиц, растрепанными прядями падали на глаза, сами глаза лихорадочно блестели, губы плотно поджаты.

Увидев Ролана, Дей остановился и как-то странно на него посмотрел: казалось, на Ролана смотрит наркоша, казалось, у наркоши двойится в глазах. «Ну-ка-ну-ка, – отразилось в сетчатке, – кто это у нас тут такой?» Дей склонил темноволосяную голову под кривым, неестественным углом и, излучая

загадочную пристрастность, направился к Ролану.

Остановившись рядом, немного помолчал, продолжая с любопытством его рассматривать, а затем поинтересовался:

– Что-то забыл?

Ролан не понял.

– В смысле?

– В прямом.

Ролан выгнул бровь.

– Да вроде нет. А должен был?

– Хорошо выглядишь, – заметил Дей.

Ролан выгнул обе брови.

– Спасибо. Не могу сказать о тебе того же.

– Еще бы, – оскалился Дей.

– Что с тобой стряслось?

– Даже странно, что так хорошо, при твоей-то нагрузке, – не слышал его друг. – Не устал?

– Не устал?

– Вчера, говорю, не устал?

Ролан задумался.

– Устал, вчера был сложный день, но это не проблема. Ты ведь знаешь, мне всегда нравилось этим заниматься.

Дей коротко рассмеялся не свойственным ему ехидным смехом.

– Этого я как раз-таки не знал.

– В принципе, сегодня день будет не легче. Откуда такая забота?

– Ааа, значит, сегодня все же намечается продолжение марафона?

– Дей, с тобой все в порядке? – Ролан не на шутку обеспокоился: Дей напоминал шизофреника. – Что ты вообще здесь делаешь?

– А ты что делаешь?

– Я пришел к Нелли. Да что с тобой творится?

– А я к Александру: ты же мне помогать отказался.

Ролан не помнил, чтобы в чем-то отказывал Дею.

– Я уже думал, что в ближайший месяц все мы вообще тебя не увидим. Думал, ты до того ослабел, несчастный, что не в состоянии подняться с постели, даже рукой пошевелить не в состоянии, чтобы телефон свой гребаный поднять! Полагал, что за какой-то день до того тебя, бедного, затрахали, что в ближайшую неделю-две ты только в чувства приходишь будешь! – под конец Дей совсем разъярился.

Ролан помрачнел. Он неторопливо поднялся и встал напротив Дея: следовало расставить все по своим местам.

– Может, расскажешь, что произошло? В противном случае я решу, что тебя настигло бешенство.

– А тебя что настигло? Жажда продолжения рода? Решил наплодить маленьких фэрусят?

Ролан молчал и смотрел на Дея в надежде получить разумные объяснения. Определенно: он дождетса, когда Дей успокоится и соизволит просветить его о причинах своего нелепого поведения.

Ждать пришлось недолго. В какой-то момент до Дея дошло, что ведет он себя не вполне адекватно. Если не сам пришел к такому выводу, то пытливо-выжидающий взгляд, намеренно адресованный ему Роланом, позволил это понять.

Дея склонил голову и провел руками по лицу, очищаясь от паутины раздражения. Затем посмотрел на Ролана, более-менее успокоившись.

– Я звонил тебе немыслимое количество раз, неужели за все это время нельзя было ответить на вызов? Хотя бы единожды? А если я умирал?

– Ты мне не звонил.

– Не звонил? – удивился Дей. – Да я звонил тебе весь вчерашний день! Только ты был очень занят... либо оглох – интересно от чего?

– Дей, я говорю тебе, ты мне не звонил, – спокойно пояснял ему Ролан. – Неужели ты думаешь, я бы не услышал.

– Ну, если, как говорит твоя любовница, ты был в душе...

– Какая любовница, и какой, к черту, душ. Я весь день пахал в баре.

Дея криво усмехнулся.

– Это ты Нелли рассказывай сказки, о том, как ты усердно пахал в баре. Черт, Ролан, не ожидал от тебя такого!

– Да чего?! – Что за наезды? В чем его обвиняют? – Ты, видно, ошибся, неправильно все истолковал. – Только что за таинственное «все» такое Ролан никак не понимал.

В этот момент входная дверь распахнулась, пропуская в

дом еще одного fetus – на пороге нарисовался Кас. Светлая рубашка из-под черной жилетки оттеняла трехдневную щетину, волосы оттенка «темный шатен» подчеркивали выразительность хищных глаз. Согласно законам генетики fetus был он высок и мускулист... а сегодня еще и недоволен – насупленный взгляд говорил о многом: например, о том, что паршивым настроением решил поделиться не только Дей.

Увидев Ролана, Кас насупился еще больше и сразу же направился к нему.

– Ролан, у тебя с головой все в порядке? – с присущей голосу хрипотцой поинтересовался Кас. – Мне вот кажется, что нет.

Ролан насторожился. Нынешнее утро явно не задалось, оно, определенно, шло по неверному плану. Все предъявляли ему какие-то претензии, от всех исходили токи недовольства, и ни от кого он не слышал толкового объяснения, в чем их чертова причина.

– Что не так? – с ощутимым напряжением спросил Ролан. Все чувства кричали: «Хорошего не жди!»

Кас достал свой мобильный, потыкал по экрану пару раз и, одарив Ролана все тем же мрачным взглядом, сунул телефон ему в лицо.

– Что это? – отчеканил fetus.

Ролан слегка отстранился, так как рассматривать что-либо с такого близкого расстояния было крайне неудобно – он не испытывал такого желания, – взял телефон и прочитал:

– Тряпка. Ты. Есть. Тряпка. Как был тряпкой, так им и остался. Я – самец, Я – Бог, Я – это Все, а ты – тряпка, тряпка, тряпка.

– В тебе что, проснулось чувство юмора?

Текст смс воображение не поражал, но Ролан перечитал сообщение повторно, теперь про себя – так, может, что недопонял.

Допонял: те же слова, тот же отсутствующий смысл. Что за ясли?

– Я этого не писал. – Ролан вернул телефон обратно.

– Ролан!

Он оглянулся и увидел спускающегося по лестнице Александра.

– При желании я смог бы понять, что ты считаешь меня «тюфяком» и «пустым местом», но Нелли! Да я шею тебе сверну! – Александр целенаправленно шел на него, тогда как Нелли семенила следом, пытаясь того сдержать.

Сейчас Ролан не просто насторожился – в нем зародилось нехорошее предчувствие, что оказался он в глубокой жопе. Пока он спал, мир перевернулся. Происходили странные вещи, и он неким образом был напрямую к ним причастен.

– Не пори горячку, Александр, и объясни мне внятно, что я сделал не так, – рассудительно, но в то же время, сдерживая просыпающееся раздражение, проговорил Ролан.

– Что не так?! – гаркнул Александр и остановился рядом на расстоянии вытянутой руки. – Ты пишешь моей женщине

о любви, которая, оказывается, между вами расцвела, и после этого тебе достает наглости спрашивать «что не так»?! – Александр так и кипел. – Что там водится за невозмутимой личиной? – всматриваясь в Ролана, поинтересовался Александр. – Лицемерие и предательство? Это про тебя, Ролан?

– Дай взглянуть. – Ролан потянулся к телефону, который Александра сжимал в ладони, желая убедиться лично, что данное сообщение, как и сообщение, поступившее Касу, отправлено с номера Ролана.

– Чего ты там не видел?!

– Просто дай мне взглянуть, – процедил Ролан и отнял у Александра телефон.

Он посмотрел на верхнюю графу – да, номер его, – а затем прочитал:

«Нам было хорошо вместе, ты неплоха, но всему приходит конец. Моя любовь «опала», как листья ясеня. Прости, но ты мне больше неинтересна. Не пиши, не звони, подучи программки. Курсы юного программиста, 2656532».

Что за чертовщина? Что за детский лепет? Это даже не смешно. Ему точно не смешно. Как видно, остальным тоже.

– Я этого не писал, – четко, глядя в глаза Александру, проговорил Ролан. – Ты меня знаешь...

– Ролан!!! Ах, ты, гавнюк, ты что охренел?!

– Твою ж мать, я этого не делал! – крикнул он Рагнару, уже зная, с чем тот пришел. Он и сам начинал закипать, ощущая, как в нем просыпается лихорадочное возбуждение – пред-

вестник скорых физических изменений.

– Тогда кто посмел с твоего телефона – с телефона ferus! – отправить мне послание о том, что мне пора прекратить трахать мужиков и заняться делом! – рявкнул Рагнар, останавливаясь рядом и глядя на него искрящимися злостью глазами.

Номер Рагнара не покидал его телефонной книги с тех самых пор, как Океан самовольно его туда вписал, когда приехал в Радлес. Знал ведь, что не к добру!

– Ролан, где твой телефон? – осторожно поинтересовался Дей.

Ролан полез в карманы, но ничего в них не обнаружил.

– Должно быть, оставил дома, в других брюках.

Он уже готов был сорваться с места – помчаться к себе домой, чтобы найти свой несчастный телефон, когда на пороге возник Океан.

Ролан остановился и приготовился к очередной порции дерьма: уж больно физиономия у того была довольная.

– Что у тебя! – не вытерпел Ролан.

– Я тут хотел было промолчать... – начал Океан, – тем более ты сам просил меня об этом в своем послании...

«Не просил!»

– ...но раз все решили высказаться, я просто обязан поддержать большинство.

Ролан приготовился к худшему. Уже не казалось странным, что все ferus разом собрались в одном месте, поскольку

он понимал: они намеренно его выследили, прочувствовали на ментально-энергетическом уровне и пришли в дом Александра.

– Значит, так, – продолжал Океан, – стихотворение называется «Плачу».

В моей груди горит пожар,
Пожар любви, мечты, надежды,
И губы трепетно как прежде
Хотят тебя поцеловать.

«Что за... хрень... Какого?..» – думал Ролан и одновременно с этим начинал догадываться, что телефона дома, в других брюках он так же не обнаружит.

И все то время без тебя,
Что я живу, как лох ползучий,
Я плачу горестнее тучи,
Тебя любя, тебя любя.

– Дай сюда телефон! – Ролан прямо-таки помчался к Океану. – Отдай, я сказал!

– Ааа, нет, нет, я еще не закончил! – Океан поднял руку с устройством и, делая круг по комнате, побежал от Ролана к остальным. – Совсем немного осталось!

И рук твоих стальных касаясь,
И пресс твой каменный целуя,
Живу, в мечтах себя волнуя,
Явись же, Оки, предо мной!
Иначе жизнь моя отстой!

– И тут написано, что продолжение следует.

Образовалась гробовая тишина. Все смотрели на Ролана. Нелли с жалостью, Рагнар в немом неверии, а кому-то было смешно...

– Я ржал, как конь, – сказал Океан, артистизму которого оставалось позавидовать. – И плакал. Ржал и плакал, ржал и плакал. А когда прочитал, что стихотворение посвящается мне... – он отвернулся, очевидно, сжалившись и решив не смеяться Ролану в лицо.

Ролан стиснул челюсти. Вот нахалка, вот стерва: наглая, беспринципная стерва!

Вот к чему был разыгран тот спектакль, вот ради чего она терлась к нему, словно не способная совладать с течкой самка. Устроила целое показательное представление. «Я не местная, растерялась, бла-бла-бла...», а в это время бесстыдно его щупала, тогда как второй рукой воровала телефон. Чуть ли в задницу к нему не залезла! Что б ее!

Лишь она подходила к нему вчера так близко. И вообще – лишь она к нему и подходила: как правило, люди обходили его стороной. Но не эта... нет, не эта.

Мстительной оказалась гадина, такая не пропадет. А мужиками как вертела, та еще вертихвостка – головная боль любого, кто осмелится с ней связаться. Подобные ей обычно и становились соиздателями нескончаемых проблем: взбалмошная, своенравная, стоило признать, красивая, и при этом странная.

Да, странная. Она казалась не такой... не такой как другие люди – как другие женщины. Ее энергетика... она отличалась от всего того, с чем Ролан сталкивался до этого. Разительно отличалась. Мягкая, призывная, как у человеческих женщин, но при этом читалась в ней некая резкость. Да и запах был необычный: диковатый для его обоняния.

Он почувствовал его сразу же, стоило ей встать за его спиной, но не придавал тому значения – был занят куда более важным для себя разговором. Но когда нахалка не постеснялась, оттеснила его в сторону и стала демонстрировать свои прелести всему бару, Ролан смог внимательнее к ней присмотреться: не преминул возможностью оценить ее красоты по достоинству – стройные ноги, округлая попа, хорошо очерченная грудь. В общем, было чем порадовать глаз. Вот местные детишки и повелись, пустили слюну, пока она играла на их слабостях – на их мужских слабостях.

Ролан и сам разинул рот, оступел от току подобных касаний, словно никогда не ведал женских ласк. Да. А эта похотливая самка в это время его обворовывала.

И теперь нахалка решила, что ей недостаточно полученного адреналина, ей захотелось вновь пощекотать свои нервы. Решила, что содеянное сойдет ей с рук, и она продолжит безнаказанно творить все то, что душе ее угодно.

Раздался короткий мелодичный звук.

– Ролан, – позвал его Дей.

– Что? – огрызнулся Ролан.

– Пришло сообщение от твоей «любовницы». Меня она пощадила.

Конечно же, Дей все понял.

– Что там написано?

– Пишет, чтобы я не завидовал вашей любви и страсти, потому как зависть – это худший из грехов, и великий Кришна меня за это покарает. Особенно за зависть к ближнему, особенно-особенно (между прочим, так и написано) за зависть к другу.

– А за воровство ее кто покарает, не написала?

– Нет, но она выразила надежду, что в скором времени и мне повезет, и я встречу такую же потрясающую женщину, как она. Потому просит не расстраиваться.

Ролан нехотя улыбнулся, но тут же улыбку спрятал: воровка к тому же высокомерна, а ее самомнению стоит позавидовать. Однако Ролан не собирался завидовать. Он собирался найти ее и забрать телефон, пока она не натворила дел похуже. И проучить. Да, проучить. Чтобы неповадно было впредь лазить по незнакомым мужским штанам.

***

О разговоре с Нелли пришлось забыть: Ролан был не в настроении, Александр был не в настроении, да и сама Нелли также была не в настроении. Вот тебе утро без скандалов. А все из-за какой-то сумасбродной девицы, которую он видел всего лишь раз, но за двадцать четыре часа, которые прошли

с тех самых пор, она успела вдоволь над ним поиздеваться и растревожить душу. И ладно бы только его – она всполошила каждого *belua ferus*, словно улей диких пчел потревожила, и теперь обозленные пчелы метались стаей безголовых кур, и жалили, жалили, жалили, – разумеется, в первую очередь Ролана, – не забывая с восторгом выплевывать обильно вырабатываемый словесный яд.

Укусы Ролан выносил с достоинством. Веками тренированная выдержка не подвела его и теперь: пережив первоначальный удар удивлением, Ролан обратился в сталь, контролируя каждый лицевой сустав, тем самым демонстрируя ложную безмятежность.

Еще в детстве каждого *ferus* отдавали в специализированные пансионаты-интернаты с наиболее жесткими и суровыми законами. От матерей их забирали отцы сразу же после рождения, однако сами не имели ни возможностей, ни желания нянчиться с малолетними детьми. Кормить, одевать, успокаивать – это не про *ferus*. Они существовали в своем немилосердном мире, ребенку в котором делать нечего, а потому его от себя отдаляли. А кто смотрит за их детьми – люди-не люди – дело десятое. Главное, чтобы их натаскивали под тот самый немилосердный мир, в котором им предстояло в скором времени очутиться. И их натаскивали – еще одно достоинство холодных стен пансионатов в глазах отцов. Ребенка с юных лет обучали порядку и послушанию, вытравили из него детскую взбалмошность и непосредственность, учили

мыслить серьезно и трезво. И Ролана учили, и Ролана обучали, и ему даже нравилась та упорядоченная жизнь, которую он вынужденно вел.

«Нужно уметь сосредотачиваться на главном, – так всегда говорил ему Ивор, – отодвигать напускное, фальшиво-прелестное и смотреть глубже, видеть глубже, чувствовать глубже». Фальшиво-прелестного в Ролане не было, так как он смотрел глубже, видел глубже и уж точно чувствовал глубже, только никак этого не демонстрировал. А вот здравомыслия и серьезности, в себе воспитанных, хватило бы на каждого из его друзей.

Детей своих *ferus* навещали, правда, не столь часто, как хотелось бы детям, и не по тем причинам, по которым хотелось бы детям. Отцы наведывались проверить, насколько хорошо идет процесс «воспитания», в верном ли направлении развивается ребенок или, сохраните Предки силами *sакр*, отклонился от намеченного курса.

Надзирателей своих чад *ferus* не щадили.

Для Ролана эти редкие визиты означали одно – он не забывал, как выглядит отец: память поддерживала образ родителя до следующего неблизкого посещения. Помнится, разлука Ролану вначале далась нелегко. Он переживал, даже скучал, сердце сжимала незнакомая доселе, щемящая душу тоска. Но к годам десяти-двенадцати – к возрасту, в котором *ferus* забирали отпрысков из пансионов, чтобы воспитывать по собственным правилам и законам, ему стало все равно:

эмоциональная связь настолько ослабела, что он воспринимал Ивора, как постороннего человека: хорошо знакомого, уважаемого, внушающего страх и почтение, но постороннего.

С одиннадцати лет Ролан стал проживать с отцом. Необходимый фундамент был заложен, и Ролану не приходилось заново привыкать к ограничивающим условиям жизни, поскольку те несильно отличались от прежних. Дисциплина и аскетизм. Во всем – в мыслях, в чувствах, в окружающих предметах. В эмоциях. Ивор не переставал повторять: «Твои эмоции – твои враги. Они мешают думать, мыслить здраво. Отрешись от них, отпусти их – это принесет тебе куда больше пользы и когда-нибудь сохранит жизнь».

Что Ролан с успехом и делал.

По тем же спасительным причинам Ивор неустанно твердил ему, что он не должен ненавидеть своих врагов, он не должен ненавидеть догмар. «Никогда. Почему? Все те же эмоции, они делают тебя слабым». Интересно, другие fequs говорили своим чадам подобное? Например, Рагнару? Ролан подозревал, что вдалбливали в него ровно противоположное.

Однако, несмотря на все свои старания, несмотря на успехи, которых он достиг в воспитании сына, Ивор не добился главного – не смог привить Ролану неприязни к людям.

Ролан понимал, что он сильнее и могущественней людей, имеет ярко выраженные, происхождением обусловлен-

ные преимущества, только эти преимущества не являлись поводом ненавидеть смертных. Любви и привязанности тоже не было. Скорее равнодушие, временами сменяемое заинтересованностью. Человеческая раса была ему по-своему любопытна: за ними занимательно было наблюдать, с ними было о чем поговорить, было чему у них поучиться. Однако заинтересованность проступала через призму отстраненности. Его не волновало, кем они были, чем занимались, о чем болела их голова. Не стань их, он бы не расстроился. Но то была не антипатия... нет, не антипатия...

Именно по этой причине Ролан поступил на службу в армию – ему хотелось общения, хотелось новых, оригинальных впечатлений, но не от *ferus*. И он пошел в единственное место, где видел себе применение в человеческом мире; туда, где его строгое воспитание получило дополнительную огранку. Наверное, только тогда, в момент принятия данного решения, Ролан впервые испытал в себе эмоциональный недостаток, почувствовал эмоциональную брешь, которую срочно захотелось залатать. Ему хотелось изменить свою пресную жизнь.

С решением Ролана Ивор не согласился, посчитав его глупым и недостойным *ferus* – что б его сын, да пресмыкался перед людьми. Тогда-то Ролан поразмыслил и окончательно отделился от пуповины; он начал строить собственную жизнь по своему аскетичному усмотрению – армейский спецназ, внешняя разведка; проведение диверсий – подрыв, поджог,

внесение хаоса в государственное управление и много других тонко спланированных операций, составлявших смысл его тогдашней жизни.

За годы обучения и интенсивных нечеловеческих тренировок рядовой солдат становился сверхсозданием. Ролан же им был. Собственно наблюдения за изменениями человека, за тем, как он себя воспитывал, делал лучше, сильнее, быстрее, оценка того, кем он был, и кем стал в итоге – именно это заставило Ролана уважать людей. Они не обладали бессмертием, не имели фантастических способностей, однако люди были смелы, самоотверженны, выносливы, как физически, так и морально; они были сильны... сильны духом. Ролан не мог не признать, что люди все же обладали теми качествами, в отсутствии которых их обвиняли *ferus* и в результате недолюбливали. Только увидеть все это, найти тому подтверждение смог лишь Ролан. Просто потому, что на протяжении десятков лет жил человеческой жизнью – простой, непринужденной, вдохновенной.

Ивор говорил «смотри глубже». Только сам он глубже не смотрел.

– Что ты планируешь делать?

Прозвучавший вопрос отрезвил, вырвав Ролана из заско-
рузлых воспоминаний.

Ролан посмотрел на Дея, затем на Океана – он и забыл, что находился в компании двоих привязчивых *ferus*.

– Ты о чем?

– О телефоне, – ответил Дей. – Думаешь, она успокоится? Мне показалась, девице не свойственно чувство меры.

Пока они шли в бар, Дей успел рассказать ему о своем весьма занятом разговоре с этой, теперь уже вдвойне обнаглевшей мерзавкой. За свою длинную, богатую событиями жизнь ему не раз доводилось встречать подобную разновидность людей: опрометчиво смелых и безбашенно глупых одновременно. Такие представители общества даже на мгновение не желали задумываться об очевидных (казалось бы Ролану) неблагоприятных последствиях, к которым приведут их необдуманные поступки. Вот только их слепой, бестолковый идиотизм никогда не касался лично его – видимо, не настолько они были глупы, чтобы связываться с Роланом. Но вот эта...

– Найду ее и заберу телефон.

– И?

– Что «И?»?

– Поставишь девчонку на место?

– Лучше расскажи, для чего ты меня искал? И почему столько названивал вместо того, чтобы явиться лично?

– Уже не важно, – ответил Дей, как показалось Ролану, излишне торопливо.

– По твоим словам, ты звонил мне десятки раз, а сам чуть ли не при смерти лежал. Ты к Александру с этим прискакал, и теперь это не важно? – Ответ казался сомнительным.

– Да, – ответил Дей. – Сейчас мы говорим о тебе, а не обо

мне.

– Ты хочешь знать... – Ролан осекся и замер на месте. Тепло напряглось, ноздри расширились, и стали с удвоенной частотой втягивать воздух. Запах...он уловил этот запах. Ее запах. Он словно кулак врезался в его ноздри.

Ролан заозирался, изучая, сканируя округу. Стало необходимо найти ее, увидеть, удостовериться, что это именно она, а не обманчивая игра воображения.

– Ролан, что не так? – В голосе Океана, все время до этого внимательно прислушивавшегося к их разговору с Деем, прозвучала настороженность.

Все так. Ролан засек свою жертву: он, наконец, увидел, как знакомая длинноногая девица идет по другой стороне дороги, на приличном от них расстоянии, и переводит взгляд с одной витрины на другую, даже не догадываясь о его присутствии.

Надо же, какое везение, какая приятная, невероятная неожиданность.

Ролан бросился на противоположную сторону улицы, пересекая широкую проезжую часть и игнорируя сигналившие ему вслед машины. Они его не волновали – теперь его ничего не волновало. Он видел лишь ее, свою очаровательную цель и стремительнее падающей птицы направлялся к ней.

Пронзительные гудки клаксонов заставили нахалку оглянуться на дорогу.

Временно замершее движение транспорта ее не впечатлило, и она отвернулась, намереваясь продолжить познавательное занятие – разглядывание тряпок и блестящих побрякушек, однако что-то ее все же насторожило. Она посмотрела на дорогу снова, но и теперь ничего не заметила. Нахалка отвела блуждающий взор, когда в процессе мимолетного скольжения он все же зацепил причину интуитивной обеспокоенности своей обладательницы. Нахалка торопливо вернула взгляд в ту самую «горячую» точку, и увидела его, Ролана, который обходя, отодвигая или попросту сшибая попадавшихся на пути людей, шел напрямик на нее.

Нахалка посмотрела ему в глаза. Ролан надеялся, что тяжелый, недобрый взгляд, которым он намеренно в нее метил, был красноречивее всевозможных слов.

Девчонка неуверенно огляделась: сначала скосилась вправо, потом влево.

«Ты, ты», – указал он на нее пальцем. – «Иди сюда», – подозвал к себе.

Теперь нахалка не мешкала: моментально развернувшись, она поспешила обратно, туда, откуда пришла.

Вначале она шла, как и прежде, спокойным, размеренным шагом, словно ничего критичного не произошло: в девичьем сердце теплилась надежда, что он обознался, либо вдруг ослеп, а может, и вовсе обращался в космос – через прану вселенной отправлял туда смс. Вот и не хотела, как он полагал, привлекать внимание своим постыдным, броса-

ющим в глаза побегом. Однако стоило ей оглянуться, как все сомнения, если те и были, улетучились – он еще как ее заметил и не собирался от нее отставать. Напротив, Ролан прибавил шаг и сократил разделявшее их расстояние.

Нахалка тоже прибавила и теперь уже полубежала. Его всегда веселила спортивная ходьба, а в исполнении этой дамочки в короткой облегающей юбочке, он и вовсе готов был уржаться.

Брюнетка снова оглянулась, и теперь, более не медля, вихрем помчалась вперед. Правильно, он практически ее нагнал: ему не мешали девятисантиметровые танкетки, он не спотыкался о коварную брусчатку, его ноги не кривились от скорости и напряжения. И сумки а-ля мешок, загруженной всяким хламом, у него тоже не было. Зато нахалка и тут отличилась, одновременно оставшись верной себе: она бежала, повиливала попой, и, не задумываясь о такте и приличиях, расталкивала всех локтями. Не то, что Ролан, в целях привлечения меньшего внимания, делающий это куда аккуратнее.

Однако преимуществ внезапное ускорение ей не дело. Ролан готовился ее схватить – между ними оставалось не больше полутора метров, а девчонка явно выдохлась, – когда в ней проснулась небывалая прыть, она включила дополнительную скорость и со всех ладных ног помчалась вперед. Чтобы спустя ничтожные мгновения налететь на полицейского.

– Помогите! – закричала гадина. – За мной гоняться! Меня хотят убить! Помогите! – Она вцепилась в мужскую руку и вонзилась в глаза полицейского своими, широко распахнутыми.

Служитель порядка слегка опешил – подобное случалось не каждый день.

– Успокойтесь, что случилось? Кто гонится? Кто желает убить?

– Он! – выкрикнула мерзавка, наводя указательный палец точно в голову Ролана.

Ролана это не остановило, он надвигался прямо на нее.

Девчонка шагнула назад, затем снова...

– Стоять! – сказал полицейский: рука человека уперлась ему в грудь, заставив Ролана все же тормознуть. – Что здесь происходит?

Ролан посмотрел на руку, затем на ее обладателя. Пускай человек не молод, и не отличался крепким сложением, однако смелости ему хватало – Ролан ощущал его энергетику. Да и раз посмел противопоставить себя Ролану, превосходящему его физически...

Ролан молчал и смотрел на женщину.

Образовалась невнятная пауза, наполняемая звуками кипучего города.

– Я спрашиваю, что здесь происходит? – вопрошал полицейский, теперь обращаясь к ним обоим.

– Он за мной гонится, – пробормотала нахалка, не имея

смелости взглянуть на Ролана. – Он не в себе.

Ролан сузил глаза.

– Она украла мой телефон. – Отчеканил, не спуская с нахалки глаз.

Женские глаза расширились: «Вот гад! Ты меня сдал!» – читалось в обращенном на Ролана взгляде. Но спустя мгновение вернули приемлемую форму, так как полицейский посмотрел на нее.

Она разозлилась: искры ярости раскаленным маслом обожгли кожу Ролана.

– Я ничего не крада! – крикнула воровка. – Это все он! Он! – Воровка нервничала и, казалось, начнет заикаться. Кто-то явно испытывал трудности со своим оправданием.

– Что «Он»? – спросил полицейский. – Так, сейчас вы оба поедите со мной в отделение, и там мы во всем разберемся.

– Нет! – выпалила воровка. Ее не прельщала перспектива провести ночь в обезьяннике. В прочем, как и Ролана. – Это все он! Он виноват! Мы с ним разводимся... да-да, разводимся. Вот он и хочет лишить меня последнего телефона. – Нахалка, воровка, а теперь еще и лгунья прикусила губу, страдальчески исказила лицо, и с надрывом закричала:

– И все из-за своей белобрысой шлюхи! Хочет всего меня лишить и отдать ей! Ей!!!

Казалось, у Ролана лопнут желваки – так сильно он стиснул челюсти.

– Что ты несешь? – процедил он сквозь зубы.

– Он лишил меня подарков, машины, украшений – лишил всего! Его шлюха живет в *моем* доме, купленном на *мои* деньги, спит в *моей* постели, даже бельем моим пользуется. Как... – спросила сумасшедшая, которой предрыдательные спазмы сковали горло. Она обернулась к сконфуженному человеку. К человеку, явно неготовому к такому повороту. – Ну как так?

– Она ненормальная... – поражался Ролан. – Она сумасшедшая...

Он стоял и не мог поверить в происходящее. Эта ненормальная... она... она действительно ненормальная.

– Вот! – воскликнула гадина. – Вот! Он называет меня ненормальной, чокнутой, идиоткой, и всегда так называл! – По женской щеке скатилась скупая слеза. – Ну, какой приличный мужчина будет говорить такое своей любимой женщине? Какой? – Скупая превратилась в щедрую, слезы полились рекой, и в попытках унять Амазонку (вялых и бесперспективных), с искаженным от мук лицом, нахалка обратилась к человеку:

– Вот вы любите свою жену? – Нахалка вытирала слезы, с удовольствием размазывая тушь по лицу.

– Ну, всякое бывает... но чаще да, чем нет, – поспешил согласиться человек.

– А вы говорите ей подобное?

– Нет, – был лаконичен бедняга.

– А он мне говорил это постоянно. И что я страшная, без-

образная. Разве я страшная? – Тут у нее началась не то икота, не то одышка.

– Нет, что вы, – человек был поражен. – Вы красавица.

– Хватит нести чушь! – Улыбки полоумной, расплывшейся на лице от последних слов полицейского, Ролан не выдержал. Она не просто больная на голову и несет ахинею – она верит в то, что несет! Да что с ней не так? Она издевается над ним?

Мысль поразила Ролана в самое сердце. Он посмотрел на ее испачканное тушью, мокрое лицо, блестящие от слез глаза, затравленный взгляд, пытаюсь во всем этом отыскать крупицу правды, и не смог. Тогда почему ей верит человек?

Потому что девчонка отличная актриса, играющая роль весьма убедительно. Наверняка, будь он человеком, тоже ей поверил бы, и даже думать не смел, что такая прелестная, очаровательная гадина может быть не искренна. Но Ролан не был человеком. Не был. Он за версту чувствовал фальшь, он видел, как в удивительного оттенка бирюзовых глазах плещутся искры довольства. Мерзавка. Она продолжает над ним издеваться.

Ролан медленно втянул в себя воздух.

Просто так он ей не дастся. Действовать придется нетривиально – пускай, – но он примет установленные ею правила игры.

– Ладно, – выдохнул Ролан. – Ладно. Тогда пойдем... *милая*, – заставил он себя выговорить это слово. – Поговорим

по душам, спокойно, без свидетелей.

Последнее было сказано явно зря.

Девчонка отошла назад и посмотрела на него побитой дворнягой.

У него наверняка ёкнула бы сердце... если бы он не знал, кто перед ним стоит. А Ролан знал. Перед ним стояла наглая, оборзевшая девка, которая расширяла для него границы разумного.

– Ну же... милая... нельзя в семейные дела вмешивать посторонних *полицейских* людей, – подчеркнуто проговорил Ролан, помня о нежелании нахалки ехать в участок. Он сделал шаг навстречу.

– Стойте, – полицейский его остановил. – Думаю, вам лучше уйти. Вашей жене нужно прийти в себя.

Ролан посерьезнел.

– Я просто хочу поговорить с ней. – Он был собран и предельно рассудителен.

– Не в таком состоянии. Вам обоим нужно успокоиться и о многом подумать.

– Я спокоен, – тут же ответил Ролан. – Пожалуйста, она же все-таки моя... моя жена, – выдавил из себя это оскорбительное слово Ролан и посмотрел на девчонку. – Правда... милая? Давай поговорим, без посторонних, – он буравил ее глазами: «Только не согласись», – говорил он ей. – «Только не согласись».

– Когда я стала «милой»... милый? Ты что имя мое за-

был? – елеиным голосом спросила «жена».

Лживая, лицемерная дрянь. Он действительно не знал, как ее зовут.

– Ты всегда любила болтать... и делать глупости. Милая. Пойдем же, обсудим нашу неудавшуюся семейную жизнь.

– Как вас зовут, дорогая?

Полицейский посмотрел на девчонку.

– Я Паулина.

– Вы хотите уйти со своим мужем, Паулина?

Она перевела взгляд на Ролана. Смотрела на него минуту с какой-то детской наивностью, а затем по щеке ее скользнула слеза, вторая, третья, и их уже было не остановить, и она уже скривила рот и по новой начала свое дешевое цирковое представление.

Дряяянь! Как она это делает?

– Не смей, – пригрозил ей Ролан и пошел на нее.

Девчонка как лань отскочила назад.

– Думаю, ваша жена вам ответила.

– Не ответила!

– Либо вы уходите, либо мы все вместе отправляемся в отделение. – Не уловить прозвучавшую в словах угрозу было трудно.

Он, конечно, мог стоять здесь до вечера, брызгать слюной и доказывать, что это он обманутая сторона, а не эта полумная, однако кто ему поверит? Девчонка пустила отупляющие чары, а этот простака и рад в них окунуться. К тому

же связываться с полицией не выгодно не только полоумной, но и ему. Ролана как человеческой единицы не существует, не одна база данных его не пробьет. А если вдруг его решат проверить?

Потому угроза возымела на Ролана действие. Как и на женщину.

– Нет-нет, не нужно в отделение, – пролепетала нахалка. – Я... я сейчас не в том состоянии, чтобы еще и там просидеть. Боюсь... боюсь, я не выдержу, – и смахнула подоспевшую слезу. Откуда они у нее берутся?

На человека слезы подействовали желанным для девчонки образом – истеричка в участке им не сдалась, поэтому он не стал настаивать. Вместо этого человек предложил ее проводить. Нахалка посмотрела на Ролана глазами все той же затравленной лани и согласилась. Они ушли, оставив Ролана кипеть негодованием и смотреть им в след. В процессе девчонка пару раз обернулась, как полагал Ролан, позлорадствовать. Когда она оглянулась в очередной раз, Ролан пригрозил ей пальцем, говоря тем самым, что они еще встретятся... а она в ответ ухмыльнулась.

Определено. Они еще встретятся.

Немного успокоившись и придя в себя, Ролан вспомнил, что дела не ждут, что он вроде как шел в «Красную метку» и было бы неплохо до нее дойти.

Он развернулся, но внезапно замер.

Чуть поодаль, у пышных кустов, стояли друзья, Океан

и Дей, и во всю веселились. А Океан...Океан держал свой смартфон и снимал его на камеру!

– Дай сюда! – крикнул Ролан и поспешил к Океану. – Отдай, я сказал!

Океан засуетился и, давясь смехом, стал нажимать на кнопки телефона.

– Подожди, не подходи, я еще не сохранил!

– Что здесь смешного? – Он остановился напротив парней. К этому времени Океан успел убрать смартфон подальше от его глаз. – Она сумасшедшая!

– Сумасшедшая, – подтвердили ferus.

– Тогда какого черта вы веселитесь? – Он с трудом сдерживал раздражение.

– Поймешь, когда посмотришь запись, – продолжал улыбаться Океан. – Видел бы ты свое лицо: ты был потерян и беспомощен!

– Не говори чепуху.

– Мы хотели прийти к тебе на помощь.

– Отвали.

– И отчитать девчонку за то, что посмела тебя обидеть.

– Она ненормальная!

– Зато крутая!

Глава 6

Брина закрыла парадную дверь и направилась к лестнице. Она устала, день выдался непростой – хотелось поскорее запереться в комнате и улечься на мягкую постель.

Блюстителю закона попался приставучий. Брина шла с ним до ближайшего поворота, и всю дорогу выслушивала нравоучения «трижды отца»: о том, что ей не нужно контактировать со столь опасным мужем; и встречаться с ним лучше в присутствии адвоката; и что народ сейчас пошел безнравственный: женщины корыстные, мужики... мужики тоже корыстные. И подлые. Как и женщины.

Брина кивала, вовремя поддакивала, благодарила. Она проделывала это до тех самых пор, пока он не поймал для нее такси и не отправил домой.

Ура.

В какой-то момент она попросила таксиста остановиться: Брина вышла, зашла в бутик одежды, мимо которого они проезжали, и направилась в туалетную комнату. На нее пускали косые взгляды, выглядела Брина как пугало, однако внимание Брину не смущало – внимание Брина любила. Вот только внимание вниманию рознь. Не могла же она предстать перед Лисандром в таком нелицеприятном виде. Ее не прельщала затея отвечать на его дотошные вопросы. А отвечать было на что.

И за что.

До самого рассвета она писала сообщения, обдумывала содержание каждого, чтобы с утра пораньше отправить свои сочинения по имеющимся в телефоне адресам. Брига догадывалась, что делать этого не следует, она уже в баре определила, что владелец телефона не из тех, с кем следует шутить, однако, загоревшись идеей, не смогла себя остановить. И не хотела. За что едва не поплатилась.

Ролан. Это было ужасно. Сегодня он в очередной раз напомнил ей, почему она сторонилась подобных ему мужчин. Он не походил на разъяренного психа, которыми порой становились обманутые и униженные мужчины, чью честь и гордость посмели задеть, в особенности, если сделала это женщина. Да, он был недоволен, гнев плескался в потемневших глазах. Но при этом он держал себя в руках, излучая решимость и стальное хладнокровие... что Бригу пугало более всего. Именно сдержанность и немногословность страшили сильнее криков, угроз. Поскольку Брига не подозревала даже, что творилось у него в голове. Какие планы он вынашивал в уме?

Явно, определенно, недобрые. Чтобы понять это, достаточно было ощутить его взгляд на себе.

Из бутика Брига вышла с девственно-чистым лицом, без грамма косметики. Новой схватки, теперь уже с собственным братом ей не требовалось, той, что состоялась, хватило с лихвой, а злоупотреблять удачей не следовало.

– Где ты была?

Брина вздрогнула.

– В городе, – сказала поспешно и, так и не ступив занесенной ногой на следующую ступень, повернулась на голос.

Лисандра стоял внизу и смотрел на нее.

– Что с тобой стряслось? – Лисандр нахмурился и приблизился к основанию лестницы. – Ты что, плакала?

– Я ходило в кино.

– В кино? Должно быть, слезы текли рекой, раз смыли всю краску с твоего лица? И что же ты смотрела?

– Мелодрама, – не раздумывала Брина. – Дешевая такая мелодрама...

Да уж. Если бы разыгранную ею сцену увидел ее бывший педагог по актерскому мастерству, наверняка пожалел бы, что когда-то назвал ее совершенной бездарностью.

Лисандр пристально на нее смотрел, вглядывался с каким-то неприятием, словно у нее тоналка пошла пятнами, а затем вдруг сказал:

– Я ухожу и не знаю когда вернусь. – И пошел к выходу.

– Стой! – Брина поспешила вниз. – Мы должны поговорить.

– Мне некогда.

– Мне тоже будет некогда, когда я уеду, поэтому лучше тебе сказать сейчас, что тебе от меня понадобилось.

Лисандр обернулся и глубоко вздохнул.

– Я же сказал тебе, что у меня нет задних мыслей, просто

захотелось тебя увидеть.

Брина скривила губы.

– Ну конечно, а еще ты помогаешь сиротам.

– Думай, что хочешь, мне пора.

– Когда ты вернешься, меня здесь уже не будет.

– Твоя машина в мастерской и готова будет не раньше, чем через пару дней.

Черт, откуда он знает? Она ничего ему не говорила.

– Куда ты идешь? – Прозвучало резче, чем хотелось.

У самых дверей Лисандр остановился и вдруг улыбнулся.

– В наши владения.

– В наши владения?

– Хочешь со мной?

Ей понадобилось меньше секунды, чтобы принять решение. Разве могла она отказаться от столь интригующего предложения?

– Дай мне пять минут.

Спустя оговоренный срок Брина спускалась к Лисандру, приведя себя в порядок. Брина никогда не тратила время на особые приготовления: рука набита, косметичка под рукой в сумке – минуты, и макияж готов. Переодеваться и вовсе не стала: выбор одежды небольшой, состоящий из подростковых вещичек местного шкафа, так как сумку с одеждой, как и телефон, незапланированно оставила в машине.

– Ты быстро, – заметил Лисандр, прекращая расхаживать по черно-белым кубикам холла. – А можно еще быстрее:

при твоих внешних данных хватало бы банального мытья по утрам.

Брина улыбнулась. При ее внешних данных можно вовсе не мыться и ходить грязной.

Лисандр открыл перед Бриной дверь и повел к своему автомобилю.

Несмотря на то, что Лисандру нравилось думать, что он весь из себя такой аристократ, частенько за руль он садился сам – отказывался от услуг личного шофера, который у него, безусловно, был. Вот и сейчас прокатил с ветерком и остановил свой черный Aston Martin там, где Брина ни за что бы не подумала, что он может остановиться – в самом сердце Мертвой зоны.

Не дожидаясь помощи брата, Брина выбралась из машины.

– Что мы здесь делаем?

Она смотрела по сторонам, пытаясь понять, с каких это пор «наши владения» располагаются в Мертвой зоне. Одно дело жить поблизости, и совершенно другое существовать в недрах свалки. Ужасные дряхлые здания, тянущиеся по обе стороны улицы, «рыхлый», бугристый асфальт, какой-то смог вдалеке. Совсем еще недавно здесь фиалками расцветала жизнь – Брина знала: она здесь росла. Вон там, впереди, находилась до безобразия уютная кофейня со своими свежими, душистыми булочками – теперь там стояла чахлая постройка с заколоченными досками окнами. По другую

сторону дороги пестрел и светился красочный ларек, прилежавший к не менее красочному магазинчику, где продавали мороженое и всевозможные сладости, и заправляла которым дородная владелица Лайма. Сейчас там выбитые стекла, красный кирпич наружу, стальная изломленная крыша.

– Как что? – спросил Лисандр. – Эта наш дом, теперь этой территорией владеем мы.

Брина посмотрела на Лисандра, гадая, шутит он или нет. Юмор у Лисандра был специфичным, поэтому ожидать можно было всякого.

С абсолютно бесстрастным выражения лица Лисандр направился к четырех- пятиэтажной постройке (сразу не разобрать), которое обликом никоим образом не выделялось из ряда местных красот. Штукатурка давно потрескалась, поблекшего цвета не разобрать, окна темными пятнами размывали невыразительную структуру: объемную, даже громадную, однако настолько невзрачную, что здание терялось в среде себе подобных даже при свете дня.

– Ты обнищал? – Брина вынырнула из-за плеча Лисандра и как-то даже приуныла.

Лисандр улыбнулся.

– Нет.

Они приблизились к парадному входу, напоминавшему входы-выходы дорогих отелей, только с отпечатком немилосердного времени. Двустворчатые двери походили на глаза: два стеклянных вертикальных прямоугольника были втис-

нуты в центр деревянной решетчатой конструкции высотой в целый этаж и шириной в дополнительную створку.

Брина не помнила, что за ними скрывалось. Покосившаяся вывеска ей ничего не сказала: если на ней и было что-то написано, то это «что-то» смыло временем, дождем, пустынным ветром, который, безусловно, здесь пробежал, превратив тем самым в тайну.

Лисандр пропустил Брину вперед.

– Тогда почему... – Она запнулась, так как к этому времени переступила порог, и, пораженная, застыла.

Перед ней раскрылся удивительный в своем одиночестве мир.

Прямо по центру встречавшего их холла к небесам уходила роскошная лестница: широкая у основания, к середине она сужалась, а кверху снова расширялась. Покрыта она была тяжелой драпированной тканью, по крайней мере, так казалось Брине. Увесистые волнистые складки слоями ниспадали с невидимых под ними поручней, мятой простыней застилали ступени и плотным одеялом ложились на светлый пол.

Брина прошла глубже.

Лестница выглядела как белая монолитная скульптура на фоне выцветших малахитовых стен. Ей так и не удалось разобрать, ткань ниспадала с поручней или, действительно, покрывало выточено из камня: по лестнице ее не повели.

Лисандр завернул направо и завел ее...

...завел ее в еще более прекрасное место.

– Я хочу здесь жить, – пролепетала Брина, плетясь за быстрым, целеустремленным Лисандром.

Брина шла по большому, наверное, бальных размеров залу с высокими потолками и богато декорированными стенами. По площади зала были расставлены круглые столы, покрытые белыми полинявшими скатертями. Местами на скатертях лежали приборы: сдвоенные тарелки, золоченые ложки-вилки, треснутые бокалы. У столов стояли стулья: в мягких бардовых обивках, красивые и изящные.

Стены были словно расписные: смесь бежевого и потемневшего золота, они имитировали квадратные колонны, украшенные утонченными цветочными капителями. В свою очередь, стилизованные под колонны стены сменялись зеркальными решетчатыми перегородками, создавая иллюзию дополнительных комнат, залов, пространств; их венчали арки из сложной лепнины. К слову, лепнина была здесь везде: на потолке, на стенах, на комодах, которые держали каменные бюсты. Разве что на полу она отсутствовала: там лежал ковролин с изображением зеленых оливковых ветвей.

В попытках коснуться дивных салфеток, Брина заметила огромные картины. Их было две, одна напротив другой, изображающие дев на фоне природы. А третья овальной формы «лежала» на высоком узорчатом потолке.

Это был ресторан. У Лисандра был собственный ресторан. У *них* был собственный ресторан.

Брина прибывала в волшебном мире. В роскошном, непередаваемо чудесном мире. Только, казалось, мир этот – заснул. Мало того, что здесь было темно: они пробирались в голубом полумраке, хотя на улице светило солнце. Так еще паутина, захватившая стены, ободранные занавески, не пропускающие свет, поломанные свечи на люстрах-канделябрах, спускавшихся с потолка на толстых нитях, лишь подкрепляли ощущение покинутости.

Лисандр вел ее в закоулок комнаты, где Брина заметила коричневую дверь.

Перешагнув порог деревянной громадины, они вышли в просторный, но пустой коридор: совершенно обычный, с крашеными в белый цвет стенами. Волшебный мир остался позади.

Брина шла по «рабочим» дорогам и оставляла позади себя одну служебную комнату за другой. Спустя недолгое время они дошли до маятниковых дверей: стальные створки покачнулись туда-обратно, выводя их с Лисандром в мрачную подсобку. На самом деле это был еще один коридор, заканчивающийся очередной закрытой дверью: Лисандр приложил к боковой панели палец, панель полыхнула желтым светом и дверь отворилась.

– А здесь жить хотела бы?

Брина не сразу поняла, куда попала. Присмотрелась, заметила барную стойку, напротив которой на возвышении располагались круглые столики, в центре помещения – кро-

шечный танцпол. Да, точно танцпол.

Это был клуб: полупустой тесный клуб, где все было серым, серым, серым различных оттенков, преимущественно светлых, каким-то унылым и непривлекательным. И смотрела Брина на помещение как-то странно, как-то неправильно, словно стояла на темных задворках. И она поняла.

Приглядевшись за пределы танцпола, она увидела широкий проход – очевидно, главный вход. А они с Лисандром вышли – Брина посмотрела себе за спину – из небольшой скрытой двери.

– Ну как, нравится? – Лисандр обошел ее и прошел вперед.

Из вод кристально чистого источника Брину выкинули в затхлое болото.

– Ты шутишь? Нет, ты не шутишь, – осознала Брина и неторопливо пошла за ним.

– Тебе не нравится? – удивился Лисандр. Его удивление казалось искренним.

– Нравится? Почему здесь так убого? – не смогла больше сдерживать себя Брина. Только что она трапезничала с ангелами, а теперь... теперь ее спустили на грешную землю. – Здесь ужасно! Я не могу поверить, что мы владеем и... *этим*, – она всплеснула руками. – Куда подевалась красота? Куда подевалось изящество?

– Остались позади. – Лисандр остановился у пустующей сцены времен бунтов и революций. – Ты идешь или остаешься-

ся?

Брина поспешила за братом, в надежде не столкнуться с редкими представителями человечества, по ошибке забредшими в эту часть клуба – уж очень они были плохенькими: неопрятными, противными.

– Впечатлена? – Лисандр приковал к Брине взгляд.

Брина постаралась посмотреть на безумца так, как совсем недавно на нее смотрел Ролан.

У нее получилось. Лисандр усмехнулся и сказал:

– Пора кое с кем познакомиться.

Лисандр обошел сценический помост и оказался у неширокой двери, полностью слитой со стеной, органично в нее вписываясь. Единственное, что позволяло распознать ее, так это легкий металлический блеск, который невозможно было разглядеть, не подойдя вплотную.

Лисандр приложил руку на створку. Область прикосновения полыхнула желтым и дверь отворилась.

Он переступил порог, молча предлагая Брине следовать за ним, что Брина и сделала. Дверь за ними закрылась.

Они оказались в неглубоком коридорчике, казалось, освещенном тысячей прожекторов, который заканчивался аналогичной дверью, только не цвета металлик, а черной. На этот раз Лисандр приложил палец к панели, находящейся сбоку на стене.

Брина вошла и в эту дверь, чтобы очутиться в совершенно темной комнате-пространстве-зале – она понятия не имела,

куда попала, потому как даже намек на освещение здесь не было. Она остановилась: не понимать, куда ступаешь – стремно. И так бы, наверное, и стояла, если бы Лисандр не подтолкнул ее в спину, побуждая идти, а не бояться.

Идти пришлось недолго, уже скоро впереди замаячили отблески света.

Брина зашагала увереннее, вдохновленная надеждой выбраться из «пещеры». По мере приближения, странная игра света становилась ярче и приобретала четкость. Брина распознала цвета: белый, красный, желтый. И только подойдя практически вплотную, она поняла, что это за огоньки.

Брина стояла напротив вращающихся дверей: четыре широкие стеклянные плоскости крутились по вертикальной оси. Стекла темные, словно тонированные, с характерным глянцевым блеском – сквозь них невозможно было что-либо разглядеть. Казалось бы.

Стекла все же пропускали свет. Белые и красно-желтые блики, которые до сих пор наблюдала Брина, проступали с обратной стороны. Иного объяснения не было: там, где она оказалась, элементарно отсутствовал источник света, чтобы блики эти создавать.

– Ты первый, – сказала Брина, не желая становиться первопроходцем, ступающим в неизвестность.

Десятки иголок прожгли затылок – она ощутила на себе взгляд Лисандра, прежде чем он ступил в один из треугольников, приводя конструкцию в движение. Брина последова-

ла за ним и оказалась...

...оказалась в таком же неуютном зале, который с Лисандром они покинули только что, вот буквально пару минут назад: аналогичная атмосфера, аналогичная расстановка мебели, сама мебель. Однако *там* отдыхали люди, тогда как *здесь* – догмары.

Брина стояла, не смея шелохнуться.

Да, видела она все то же самое, вот только в зеркальном отображении: столики стояли слева (тогда как у людей, если наблюдать от главного входа – справа), а бар – напротив них. Стены обшарпаны, мебель старая, воздух спертый и угнетающий. Отличалась только цветовая гамма серого: оттенки бетона в половине догмар приобрели темную тональность. Те же стены были графитовыми, но различных сложносочиненных тонов. Здесь вообще было темно, казалось, свет горел лишь для того, чтобы предугадывать очертания предметов.

– Познакомься с нашими людьми, – услышала Брина позади себя, – с Людьюми Догмар.

Не переставая удивляться, Брина прошла вперед. Только сейчас она заметила, что ножки столиков здесь несколько ниже, так как вместо стульев стояли грязно-фиолетовые приземистые диванчики – потрепанные диванчики, на которых полулежали догмары, занимаясь не самыми пристойными делами. Другие догмары стояли, выпивали, веселились, кто-то обнимался, кто-то общался, хохотал. Никто не танце-

вал.

Народу здесь было больше. Бри́на проходила мимо догмар, местами проталкивалась, вглядывалась в лица, поражаясь царившей развязной атмосфере. Бри́на задавалась вопросом: это только здесь так, или пофигистические настроения, окутавшие небольшое пространство, присущи нынче всей расе?

Раньше все было иначе. Догмары жили среди людей, строили семьи, растили детей, пускай рожали их догмарки редко.

У догмар имелись свои комитеты, места общих встреч, собраний, разнообразные общественные организации. Они напоминали отдельную нацию в мире превосходящих по численности людей. И никакой цветущей безнравственности: не так открыто, не с позволения лидера. Но то, что она видела сейчас... Это то, к чему Лисандр стремился привести своих людей? То, что он хотел им дать?

Моралисток Бри́на не любила (это они «любили» ее), но и потакание порокам не приветствовала. И уж точно желала лучшего для своих особенных сородичей. Конечно, она могла ошибаться. Наверняка, тот прекрасный мир, который ей запомнился, есть и теперь, только не здесь, где-то за пределами. Ведь для чего существуют клубы?

Явно не для танцев.

Бри́на продолжала неторопливое шествие, не переставая обращать на себя внимание. Бри́на чувствовала себя невестой Дракулы. Каждый заметивший ее догмар считал необ-

ходимым обернуться вслед и проводить ее заинтересованным взглядом. А кто-то удивленным. Похотливым, завистливым. Последнее относилось к женщинам, от которых за версту ощущалось неприятие, катился клубок отрицательных чувств.

Симпатий Брина не вызывала, по крайней мере, не у всех. Иерархия, о которой толковал Лисандр, проявляла себя как нельзя лучше. То, что Брина непростая догмарка, сомнений у окружающих не вызывало: Лисандр шел за ней по пятам, внимательно наблюдая за ее реакцией, и, всем своим видом демонстрируя покровительственное к ней отношение.

Возможен был другой вариант: догмары знали, кто она такая. Слухи в среде догмар, как и в среде людей, разлетались быстро. Кто-то нашептал, что вернулась «Она»... и пошло-поехало. Наслышанных о «сбежавшей сестре» или ставших тому свидетелями, Брина уверена, было немало. Такое не забывается, в особенности, когда во главе целой расы тот, чья кровинушка осмелилась на подобный шаг: биография Лисандра, без сомнений, стала настольной книгой каждого, как некогда таковой значилась биография лидера Деона.

И вот они ее узрели: на нее смотрели, за ней наблюдали. С Лисандром они не сильно походили друг на друга: он унаследовал внешность отца, Брина матери. Но все же было в них что-то общее, выдающее их принадлежность одной семье – раньше так все говорили.

Несмотря на растерянность, в которой прибывала, Брина

не позволяла себе расслабляться: с прямой осанкой она родилась, вздернутый подбородок унаследовала – она готова к лучам презрения. К тому же в какой-то момент ей стало совершенно не до завистников: она заметила еще более странную картину и целенаправленно двигалась к ней.

У самой дальней стены, где по идеи должна возвышаться сцена, висели фотопортреты. Около дюжины цветных фотографий, вставленные в тонкую черную раму, размером в спальное окно. На фотографиях – суровые лица мужчин, поверх которых товарным знаком впечатаны круглые мишени.

Портреты машинально притягивали взгляд, в том числе за счет цветной печати. Казалось, весь невзрачный серый интерьер, со своей невзрачной серой колористикой задумывался специально для того, чтобы подчеркнуть красочность этих «картин», и тем самым акцентировать на них внимание.

И судя по тому, как группа молодых догмар, пускали в них дробтики, играя в дартс, «картины» миссию свою выполняли.

Брина пригляделась к одной из фотографий: к смуглому плутоватому брюнету, поверх головы которого было надписано «Цель», а внизу, под подбородком «Уничтожение».

Брина поняла: это были fetus. На этих фотографиях изображались fetus, именно они и никто иной.

Неторопливо, даже заторможено, на ходу подбирая верные слова, Брина обернулась к Лисандру.

– Это что? – спросила она.

– А что это? – прозвучало в ответ.

– Ты что совсем спятил? – Брина старалась говорить спокойно. – Совсем съехал с катушек? Что ты творишь?

– А что я творю?

– Это! – Брина ткнула пальцем в одну из фотографий. – И это! – Брина ткнула в подростков, выкрикивающих непристойности в адрес снимков. – И вон там тоже! – Она указала на зал, где придавались слабостям догмары. – Ты их развращаешь!

И если нелюбовь к fevus она понять могла, то ситуацию в целом – нет. Подростки у фотографий, а главное, в этом зловонном, порочном месте стали последней каплей. Когда догмары стали такими... такими безучастными? Когда перестали следить за своими детьми?

– Я лишь даю им то, чего они хотят. К моему возвращению, они уже были такими.

– Но ты можешь это остановить! На то ты и лидер!

– А хочу ли я этого?

– Что? – удивилась Брина. – Да что с тобой происходит? Мы не делаем из каждого догмара зомби, озабоченной жаждой уничтожения fevus. Это твоя война и группы твоих приспешников, не превращай всех в подобных себе, не разжигай в своих людях пламя ненависти и агрессии.

Взгляд напротив похолодел. Лисандр произнес:

– Ты права, прости. Хочешь, кое-что покажу? – Брина опомниться не успела, как ее схватили за руку, и потащили за собой.

– Лисандр, отпусти, – сквозь зубы выдавила Брина, понимая, что на них все пялятся. И, видимо, пялились все то время, что они спорили.

Лисандр не реагировал, а вел ее к лестнице, расположенной в стороне от играющих в дартс.

– Да отпусти ты меня! – возмутилась Брина, но в нее вцепились самкой богомола, и теперь причиняли нешуточную боль.

Лисандр повел ее вверх по лестнице.

Брина оказалась на втором этаже: в светлом просторном холле, напоминающем приемную медицинского центра. Правда, центра не современного, а доисторического: белые стены постепенно желтели, их прорезали трещины, местами с них слезала штукатурка, образуя серые засушливые островки.

И, наконец, ее осенило, что напониала ей Мертвая зона со своими пока еще «живыми» и уже «мертвыми» постройками.

Остановку времени. Как будто время замерло на определенной отметке, а вместе с ним и жизнь части Радлеса, что отражалось во всем, в том числе в интерьере: его не обновляли годами, а то и десятилетиями.

Но время не замирало, оно не останавливалось. Просто на протяжении нескольких десятилетий у догмар отсутствовала управляющая рука. По всей видимости, у людей тоже.

Вдалеке у стены выстроились двери, такие же белые, как

все вокруг. Лисандр повел ее к ближайшей из них и, распахнув с размахом, завел сопротивляющуюся Брину внутрь.

– Вот, Лиси, смотри! За этим я наблюдаю, когда мне скучно.

Брина попала в темную комнату размером четыре на четыре метра. По центру стоял одинокий стул, к дальнему углу прижималось мягкое кресло. Стену напротив мебели замещала стеклянная перегородка, посмотрев на которую, Брина вздрогнула.

За стеклянной перегородкой была еще одна комната, на первый взгляд очень даже симпатичная комната, с обоями цвета сливок, изящной веерообразной ширмой, с пышным веником сухих цветов в углу...

...а по центру стояла железная двуспальная кровать с кричащим алым одеялом... помятым, на вид несвежим...

В стороне от кровати обнаружилась молодая пара: мужчина поправлял ремень на брюках, девушка застегивала рубашку.

– Какая жалость, не успели. Но ты же неглупая, сложишь два плюс два?

Лисандр дернул ее за руку, не позволив до конца дофантазировать, и повел в соседнюю комнату. С прежним размахом распахнув створку двери, он ввел ее в уже знакомое помещение – только что наблюдаемая пара испуганно обернулась к ним.

– Не волнуйтесь, это всего лишь я! – бросил Лисандр и

обернулся к Брине.

– Вот здесь, – он указал на стоящий неподалеку от кровати диван, который Брина не заметила, – я наблюдаю за ними, когда мне совсем хреново!

Он снова поволок ее за собой. Брина как марионетка болталась из стороны в сторону.

– Ты делаешь мне больно! Отпусти!

– Это к вопросу о том, что я кого-то здесь развращаю, – не слышал ее Лисандр. – А здесь, – он открыл еще одну дверь, – *moi приспешники догмары* занимаются чертовой поимкой *ferus*! – рывкнул Лисандр, наконец-то отпустив руку Брины.

Она потерла зудящее запястье и прошла глубже в комнату.

Помещение оказалось очень большим. Множество столов стояли рядами, множество техники, научных инноваций стояли, висели, сливались со стенами. На мониторах компьютеров мелькали изображения, карты, топографические съемки. На других высвечивался текст на латинице, какие-то оккультные символы...

И за всем этим наблюдали догмары.

– Не бойся, это только местный штаб.

Лисандр развернул ее к себе, не позволив с головой погрузиться в атмосферу.

– А поскольку ты тоже догмар и, между прочим, моя сестра, прошу тебя не рассказывать мне в присутствии остальных о том, как я неправильно веду дела, и уж тем более не

подвергать сомнению мои решения относительно этой дикой нечисти!

Брина вздрогнула. Она успела позабыть: Лисандр умел выходить из себя. Случалось такое редко. Но метко.

– Выведи меня отсюда, – прошипела Брина и, не имея сил смотреть на брата, направилась к выходу.

– Ты меня поняла? – процедил Лисандр, возвращая ее на место.

– Поняла, – процедила в ответ и, вырвав руку, пулей вылетела из комнаты.

На такой же сверхскорости Брина преодолела лестницу, замечая, как Лисандр следует за ней. Шел он как всегда неторопливо, но в какой-то момент ее нагнал. На лице – полнейшая безмятежность.

Брина проталкивалась сквозь толпу, желая быстрее оказаться снаружи.

Опустив голову в легком наклоне, Лисандр извинялся за бескультурье сестры.

Брина ускоряла полет, не желая и локтем соприкоснуться с братом.

Лисандр шел спокойно, зная, что без него она отсюда все равно не выберется.

На душе у Брины летали мухи, тогда как в сердце поселилась туча.

На душе Лисандра светило солнце. Яркое и теплое, не позволяющее омрачать его жизнь. По крайней мере, так каза-

лось Брине... и всем остальным.

***

«Красная метка» пустовала.

Посетителей не было с тех самых пор, как в баре произошла трагедия – засада и нападение догмар. С того злополучного дня прошло около месяца – практически тридцать горестных дней, как двери заведения накрепко закрыли и открывали только для того, чтобы некогда рабочие бара забирали оставленные или позабытые вещи.

Пока права на владение заведением не отошли к Нелли, баром управлял Дмитрий – бармен, и в первую очередь человек, которому погибший приятель Нелли доверял как самому себе. После случившегося, он молча взял на себя обязательство перед другом и стал присматривать за его творением.

Однако не преданность мертвому другу делала его особенным. Исключительным в глазах ferus Дмитрия делало то, что он был первым и единственным человеком, посвященным в их необычную тайну – тайну существования ferus, неведомых людям сверхъестественных существ.

Конечно, ferus не одобряли осведомленности Дмитрия: посвящение в их сакральный секрет человека, пускай и приятеля Нелли, пищать от восторга не заставляло. Да, он не был в курсе деталей, не знал подробностей их доблестной жизни, но и того, что всплыло наружу, было более чем достаточно.

Однако таков был приказ Александра (продиктованный желанием Нелли) – не трогать человека, и все *ferus* вынужденно ему повиновались. Александр и сам был вынужден. Он мог самолично расправиться с обузой, не испытывая и толики угрызений совести, поскольку не питал иллюзий относительно того, чем им подобная гласность грозила.

Вот только теперь он был вместе с Нелли, говорят, он даже любил ее, и хотел он того или нет, ему все же приходилось сдерживать свою сущность, свою животную природу *ferus*, и идти на определенные уступки, если не хотел предстать в глазах человечки этаким «дрянным подонком».

«Ну-ну, – подумал Дей, отставляя недопитую бутылку пива. – Посмотрим, как долго ты продержишься».

Дей выпрямился на барном стуле, и взглянул на высоко-го жилистого блондина, работавшего в нескольких шагах от него.

За Дмитрием *ferus* все же присматривали. Увлекался бармен профессиональными гонками (как и Дей, он любил машинки), вечерами заживал в бильярдную, где школьный друг-администратор бесплатно угощал его пивом, состоял в длительных, но непонятных отношениях – сходилась и расходился со своей подругой дважды на неделе как по расписанию. Это из того, что знал о бармене Дей. Ну, а в данный момент он батрачил в баре.

В скором времени заканчивался минимальный срок траура, и Нелли готовилась к повторному открытию «Красной

метки», посчитав, что Зойл (так звали ее друга) этого хотел бы. Поэтому она припахала каждого, кого могла: Ролан гнул спину творил ей сцену мечты, а Дмитрий стал своего рода управляющим, на кого легли всевозможные мелкие и не очень обязанности по ведению дел в заведении: ответственность за найм нового персонала, за хозяйственную часть, например, доставку выпивки, продуктов, и другие организационные моменты.

Бедный – бедный бармен.

Дмитрий протер и поставил на поднос очередной новоприобретенный бокал и, видимо, устав поглядывать на Дея искоса, посмотрел на него в открытую.

– Что-то не так? – обратился он к гостю.

Да, Дей умел напрягать людей.

– Все так, – ответил Дей.

– Есть вопросы?

– Есть.

– Тогда задавай. – Дмитрий отложил в сторону тряпку и полностью сосредоточился на нем.

– Когда ты планируешь сообщить о нас полиции? – поинтересовался Дей.

– Я не собираюсь сообщать о вас в полицию, – не дрогнув, ответил Дмитрий.

– А в газеты когда? – Дей отпил пива из бутылки, не спуская глаз с человека.

– В газеты тоже не собираюсь.

– Тогда куда собираешься? На телевидение?

Дмитрий выдержал паузу и только затем сказал:

– Да, на телевидение можно было бы.

Дей улыбнулся, правда, весело ему не было.

– Что, смешно, да? – поинтересовался Дей.

– Вовсе нет. – Дмитрий сохранял невозмутимость и не велся на его провокации: он догадывался, в чем дело.

Дей его проверял, проводил свой тест на вшивость, который Дмитрий обязан был пройти. И пока что его проходил: пульс не учащен, сердцебиение в норме, глаза не бегают – Дей не чувствовал лжи. Легкое волнение не в счет. Все волнуются. Тогда как у бармена на то имелась уважительная причина.

Возможно, теперь Дей от него отстанет. На время. И слегка расслабиться.

– Ты ведь знаешь, чем тебе это грозит?

– Знаю.

– Вот и отлично.

– Еще пива?

– Давай. – Дей отставил опустевшую бутылку в сторону и взялся за новую, запущенную к нему по барной стойке.

Настроение было не к черту. Последние месяцы выдались не самыми лучшими, а уж последние недели были просто ужасны: не поддающимися никакому логическому и не логическому объяснению. А непонимание происходящего для Дея было равносильно вымиранию вида *ferus* – то есть хуже

всего.

И во всем виновата *Она*.

Дей предпринял очередную попытку выкинуть ее из головы. Не так давно он пообещал себе, что для него этой женщины больше существовать не будет. Он не желал о ней думать, не желал вспоминать, не желал тревожить ею душу. Вот только избавиться от непрошенных мыслей было невероятно трудно.

Как и теперь.

Ликерия. Так ее звали.

Что-то заставило его задержать на девчонке взгляд, обратить на нее внимание. При первом же мимолетном визуальном касании, еще тогда, месяц назад. Но он не мог понять что: что именно побудило сердце остановиться, а кровь побежать быстрее – глаза, скользящая походка?

Это был удар: запрещенный удар под дых, выбивающий воздух и затрудняющий дыхание. Удар, к которому Дей оказался не готов. Совершенно обычная, не выделяющаяся из общей массы невыразительных людей. Но в тот день он ее выделил, произвольно припечатал к ней взор. Подобного с ним не случалось, он не знал, как на такое реагировать. А потому стоял и тупо пялился.

И если бы только тогда.

Он еще не раз приходил к ней после и наблюдал, как она работает. Пытаясь разобраться, кто она есть; пытаясь понять, что заставило его чувства – его дремавшие годами чувства

– проснуться и закричать об опасности, которая от нее исходила. К ней, несомненно, следовало присмотреться: нутро кричало, протестовало, требовало. Просто так его инстинкты не вопили, для того имелись причины – для всего имелись причины, как и всему существовало объяснение. И он искал объяснения в ней.

Но не находил, что сводило его с ума: инстинкты не желали довольствоваться малым и продолжали его терзать. Пока не совершил поступка, который совершать, определенно, не следовало, пока он не сделал то, что только ухудшило его состояние, потревожив остаток еще непотревоженного. Но именно это ответило на часть интересующих его вопросов.

Он пришел к ней домой, намереваясь лишить ее нежелательных для *ferus* воспоминаний. Но вместо этого он ее поцеловал, со всей питавшей и распиравшей его злостью. И все осознал: он желал девчонку как женщину – до боли в чреслах, до помутнения разума, до черных точек перед глазами от головокружения. То была тяга, дикая потребность, которой он не мог и не хотел сопротивляться – о том и кричали чертовы инстинкты.

Он не помнил, как смог оторваться от нее и уйти, не помнил, что вообще заставило его оторваться и уж тем более уйти. Но он ушел. Покинул с четким представлением, что происходило у него в душе. А ведь ответ был невероятно прост.

Дей опустошил вторую бутылку пива и, горько усмехнувшись, отодвинул ее к первой.

Желание. Чертовое гребаное желание.

Оно накатывало мощнее цунами, что он едва стоял на ногах. Дей полагал, что в жизни испытал всевозможное, и испытать еще больше никак невозможно; полагал, что в своем отнюдь не целомудренном времяпрепровождении успел постигнуть все – величайшие радости и досадные разочарования, удовольствия, на грани истязаний и аморальные, порочные желания. Праведником Дей не был.

Однако то, что пробудила в нем она... это было другое, доселе ему незнакомое. И это пугало: пугало то, к чему такая потребность могла привести.

Дей встал с насиженного места, огляделся, осматривая бар.

Дмитрий отошел, Ролан работал у дальней стены, устанавливал сценический помост.

Не говоря ни слова, Дей покинул бар и пошел вверх по улице.

После случая в квартире Ликерии, он к ней больше не приходил... неделю. Какую-то жалкую неделю он все еще пытался ее забыть.

Не забыл. Пришел, вернулся. Только Ликерии не было. Как и ее вещей.

Дею не хотелось вспоминать, что с ним тогда творилось: было стыдно, мерзко, противно. Стыдно за то, что он, *ferus*, потерял голову из-за какого-то человека.

Однако тогда он был не в себе: его поглотила темная

ярость, пелена безумства застила глаза.

В такие моменты рассудок отключался, и Дей отключался вместе с ним. Чтобы мог включиться другой, «неправильный» Дей, живущей своей неправильной жизнью, творя свои необъяснимые поступки, которые после «настоящий» Дей не мог объяснить даже себе.

Он разгромил ее смехотворный дом.

Когда узнал об ее исчезновении. Осмотрев всю площадь с ее крошечными комнатами, не найдя вещей и личных принадлежностей. Он съехал с катушек, он ушел в разгул, вернулся к истокам непотребной жизни, чтобы несколько позже, вконец обессилив, опустошенным и ненавистным себе – ненавистным много больше прежнего, отправиться ее искать.

И он нашел. Нашел Ликерию. Отыскал в одном из прибрежных городков.

Он наблюдал за ней день, неделю, две, на протяжении многих бессонных ночей. Говорил, что не будет, уверял, что в последний раз, убеждал, что действует в интересах fetus.

И продолжал задаваться тысячей вопросов. Что он здесь делает? Почему не отпустит? Не оставит в покое себя и ее?

А главное, что в ней было такого... такого пленяющего и демонического, что заставляло следовать, тянуться за ней? Неужели пресловутое желание? Он переживал неведанные муки ради удовлетворения физической потребности?

Что же будет, если потребность удовлетворить? Наважде-

ние его отпустит?

И Дей наблюдал. Прекрасно зная, что знает ответы, однако, не желая их признавать: ответы ему не нравились, причины происходящего ему не нравились. Он боялся: боялся правды – Дей страшился ее осознать. А потому продолжал отвергать.

И держался от Ликерии на расстоянии. Ему хотелось подойти к ней ближе, встать вплотную, заглянуть в глаза. Она посещала общественные учреждения, однажды побывала в больнице. Для чего? Он не знал. Намеренно не позволял себе знать, чтобы не потерять себя окончательно, чтобы не уйти в Нее с головой. Хотя бы в этом он себя еще сдерживал.

Вплоть до вчерашнего дня, когда он понял, что в городке Ликерии нет. Более того, ее не просто не было: если раньше он мог ее чувствовать – по ее тончайшим «хрустальным» вибрациям, по сложноплетеной, зажатой энергетике, то теперь ничего – Дей абсолютно ничего не ощущал. Даже запаха не мог уловить – куда ушла, улетела, уехала, куда она делась, куда пропала. Ее просто не стало. И никаких следов.

В приступе паники он вспомнил о Ролане, ему стало необходимо с ним поговорить: в голову лезли абсурднейшие мысли. Возможно, здесь, подобно Радлесу существует своя аномальная зона, создающая помехи в «чтении» людей?

Дей не собирался обнажать свою душу, даже Ролану он не рассказал бы всего. Ролан и не станет лезть к нему в сердце, и не поспешит разбалтывать секретов. Ролан реально мог по-

мочь, если не словом, то делом точно. Он был единственным близким ему фегус, к которому он решился бы с подобной просьбой обратиться – Дей всегда мог на него положиться.

Дей считал так ровно до сто пятнадцатого непринятого звонка. Тогда, вконец взбешенному, ему стало казаться, что его ближайшим другом может стать Александр, ведь с некоторых пор он был знатоком женско-человеческих причуд.

Да, Дей вел себя как идиот, однако поделаться ничего не мог. Он хватался за любую соломинку, за мало-мальски правдоподобную возможность, в попытках понять, каким таким образом девчонка сумела его обхитрить: сумела пропасть с его ментального радара?

Сейчас же Дей успокоился и взглянул на сложившуюся ситуацию с другой, оптимистичной стороны.

Возможно, исчезновение Ликерии к лучшему. Возможно, вот он реальный шанс избавиться от влияния этой подлой женщины и зажечь своей прежней жизнью. Да, потребуется время, вероятно даже время немаленькое, однако в итоге он освободится от пагубной власти над ним человека.

Дей стоял напротив цветной пятиэтажки и смотрел на окна четвертого этажа – ее окна. Неосознанно, но он снова пришел сюда. От бара до дома в среднем четверть часа ходьбы. При его ширине шага еще меньше.

И он снова здесь помимо своей воли...

Дей рассердился. На себя. Опять. И смачно выругался, не жалея выражений. Он дал себе слово, он пообещал...

Дей отвернулся и, полный презрения – презрения к самому себе, – пошел обратно.

Видимо, исполнить свои обещания будет сложнее, чем он предполагал.

Глава 7

«Эдем».

Сверхновая звезда последней пятилетки среди популярных местных клубов. Где ж еще она могла оказаться?

Ролан стоял в помещении, пропитанном кальянным дымом, и смотрел на нее, развлекающуюся. Выпивая коктейль, похожий на «Маргариту», она мило беседовала с недалеким, пьяным оболтусом, который коктейль ей этот и вручил. От него разило неприкрытой похотью: он то и дело норовил ее коснуться, прижать к себе, наклониться и прошептать непристойности на ухо – мужчина всевозможными способами и уловками пытался влезть в ее личное пространство.

Но нахалку это не смущало, она веселилась на всю катушку: подначивала его, задорно смеялась, играла с воротом его мятой рубашки, не забывая в нужные моменты уворачиваться от мужских небезопасных рук.

Ролан даже пожалел беднягу: он еще не знает, с кем связался. Нахалка водила его, глупого, за нос, разжигая желание и внушая надежду, тогда как сама держала дистанцию: в каждом беззаботном движении, в каждом легкомысленном взгляде читались продуманность и безразличие. Перед ним стояла профессиональная динамщица, но бедняге об этом никто не сказал.

Ролан направился к ней, пробираясь сквозь шумную тол-

пу. Играла оглушающая музыка, светили лазеры-прожекторы, распределяя редкий свет по всему танцполу, но Ролан не прятался за внешними атрибутами. Она все равно его не увидит: уж больно увлечена навешиванием лапши.

Стоило приблизиться к веселящейся паре, как нахалка вдруг решила, что смеяться устала: она всучила приставучему поклоннику опустевший коктейльный бокал и, улыбаясь, пошла к танцующим. Ролан пошел за ней, наблюдая, как она вливается в гущу толпы – в гущу потной, разгоряченной толпы, и начинает откровенно изгибаться под звуки монотонной зомбирующей музыки.

Ролан был вынужден отойти в сторонку: стоять неподвижной скалой в приливах и отливах человеческих тел не самое приятное занятие. Однако и оттуда, где он оказался, он прекрасно видел то, что девчонка себе позволяла. А позволяла она себе многое.

Незаметно для себя Ролан втянулся в наблюдательную деятельность и стал получать от тайной слезки удовольствие – странное, неестественное удовольствие. Его охватил небывалый азарт, такой воодушевляющий, такой окрыляющий, что даже кровь побежала быстрее, опалая стенки кровеносных сосудов опасным неудержимым пламенем.

То была жажда, странная увлеченность, желанье подчинить, схватить, поработить, которой становилось все сложнее сопротивляться: с каждым плавным покачиванием бедер, с каждым поворотом милейшей головы Ролан терял

свой восхваляемый контроль. Из-за чего едва-едва, одурманенный новоявленным опытом, он не выпустил из внимания цель, которая чувственно извернувшись в руках очередного похотливого неудачника, как-то незаметно слилась с толпой и потерялась из виду. В том числе из виду наблюдавшего за ней бедняги.

«Динамо».

Ролан пошел за ней, под соблазнительные покачивания округлых бедер в маленькой цветастой юбке. Но тут он снова встал стеной: ее остановил разгоряченный поклонник, из череды поклонников, которых легион, и начал навязчиво разводить на танец, а то и больше. Если бы сейчас она обернулась, то обязательно Ролана увидела.

Она не обернулась. Вместо этого она умело увернулась от распустившихся волосатых рук и быстро прошла вперед. Мужчина пошел за ней, однако не дошел: Ролан подрезал его плечом и сбил ничтожного с ног. Ему ожесточенного кричали вслед, к счастью, Ролана это не заботило, так как девчонка покинула давку и словно корабль причалила к бару.

– Воду, – сказала «динамо», кладя блестящий клатч на стойку.

Смазливый бармен, смазливо улыбаясь, что от такой смазливости хотелось плакать, подал ей воду.

Она не пожалела улыбки и для него, и по тому, как просветлели глаза мужчины, стало ясно: эмоциональный отклик получен.

Наблюдать за таким становилось невыносимо. Видимо, испытываемое чувство неприятия отразилось у него на лице, поскольку в этот самый момент бармен посмотрел своей гостью за спину, и улыбка спала с его лица.

Коротким движением головы Ролан приказал ему скрыться, что тот незамедлительно сделал. Девчонка лениво посмотрела ему вслед и тоже собралась уходить.

Ролан прижал ее к стойке, обдавая жаром крепкого тела и заточив в кольцо своих сильных рук, которые легли все на ту же стойку.

Нахалка вздрогнула, напряглась, но быстро расслабилась, очевидно, приняв его за еще одного местного придурка.

Он наклонился к ее лицу.

«И рук твоих стальных касаясь,

И пресс твой каменный целуя,

Живу, в мечтах себя волнуя...»

– Обо мне думала, когда писала?

Ее парализовало. Она даже дышать перестала. Так и стояла, не говоря ни слова. Паника: она была в панике. И в состоянии полнейшего шока. Наверняка, задавалась вопросом, как он ее нашел.

– Телефон, – потребовал Ролан.

Она сглотнула и как-то неловко пошевелилась, однако это все, что она смогла. Его мощное тело не оставляло намека на пространство.

Ролан надавил грудью сильнее, подтверждая серьезность

своих намерений.

– Отцепись от меня, – рыкнула нахалка, сумев побороть первоначальный испуг. Она попыталась его оттолкнуть, отбиться локтями, но пальцы Ролана переплелись с пальцами нежными и наманикюрюнными, разводя ее руки в стороны.

– Отойди же!

– Телефон, – повторил Ролан, обдавая дыханием ее бархатную кожу.

Нахалка прекратила попытки сопротивления и отвернула голову, и вовсе затихнув.

– Где? Мобильный? – Он давал ей последнюю попытку, его терпение тоже, как оказалось, не безграничное.

Нахалка продолжала молчать. Казалось, все ее нутро воспротивилось Ролану.

Значит, к тому же упрямая.

– Отлично. – Ролан слегка отстранился и переместил свои руки ей на плечи, при этом бедрами удерживая ее на месте. – Я сам проведу обыск.

Его ладони медленно заскользили по голым плечам, опускаясь по нежным рукам. Понятно, что телефон – не елочная игрушка и на руках у нее не висел, однако в конкретно сложившейся ситуации логика теряла позиции.

Руки переместились на тело, в область ребер, стянутых тонкой тканью, и неспешно заскользили к талии.

Девчонка не шевелилась. Она стояла как мраморная статуя: как напряженная мраморная статуя, с «живыми», ши-

роко распахнутыми глазами и с поджатыми «скомканными» губами. Казалось, она боялась произвести движение, лишнее, непрошенное, опасное, и сопротивлялась тем ощущениям, которые непроизвольно рождались в ее теле от его повелительных прикосновений.

Надо же: сумасбродной было приятно, Ролан чувствовал, Ролан знал... и она ненавидела Ролана за то, что ей было приятно, потому что понимала, что он делает это намеренно, желая сломить ее крепкую волю и получить обратно свое. Она же при этом подвергается таким невыносимым унижениям и лелеет эго своего врага.

Однако «Непокорность» было ей именем. Стоило рукам оказаться на ее животе и начать его мягко поглаживать, нахалка с силой прикусила нижнюю губу, чтобы – он уверен – не застонать от удовольствия, но не сделалась – по-прежнему демонстрировала стойкость характера.

Тогда ладони Ролана сменили курс, заскользили вверх по телу и остановились под грудью, словно задумавшись «Да или нет?».

– Ты этого не сделаешь... не сделаешь, – бормотала нахалка.

Сделал. Руки по-хозяйски сомкнулись на ее налитых грудях, заставив нахалку подскочить на месте и запротестовать.

– Прекрати! Что ты себе позволяешь? Убери свои грязные руки!

Она завертелась, пытаясь освободиться, но сдвинуть Ро-

лана с места было невозможно, хотя руки с ее грудей он убрал. Ролан больше к ней не прижимался, но стоял практически вплотную.

В результате дикого протеста нахалка непроизвольно шагнула назад и застыла. Она не поняла. Неосознанно пошевелилась, борясь с ощущением дискомфорта, но сделала только хуже: своим необдуманном движением она дополнительно потерлась о пах и, наконец, осознав, в чем тут дело, как ошпаренная дернулась в сторону.

Ролан крепко сжал ее бедра и притянул назад к себе, прижав хорошенькими ягодицами к своей разгоряченной плоти.

Нахалка ошалела и раскрыла рот, втягивая воздух, который могла втянуть.

– Нравится? – поинтересовался Ролан, изображая труднодостижимое спокойствие. Его губы чуть касались уха, обдавая то горячим дыханием. – Я так понимаю, что да, раз ты до сих пор молчишь. Или ты просто не можешь не поиграть на... члене у мужчин?

– Нервах, – булькнули в ответ, казалось, до сих пор не получая кислорода.

Она была потрясена. Как и он.

– Где телефон? – разозлился Ролан. Он прижал ее к барной стойке и буквально навалился на нее огромным телом.

Со стороны они, должно быть, производить вполне себе приемлемое впечатление, учитывая характер заведения, в котором находились. Наверняка, свидетели происходящего

полагали, что они очередная влюбленная пара, не дотерпевшая до приватной зоны.

Но они не были влюбленной парой. Ролан готовился прямо сейчас разорвать ее на части, исключительно из-за ее упрямства и строптивости. Она продолжала его бесить.

– Хорошо, – сказал он зловеще, и в то же мгновение руки заскользили по женским бедрам вниз. Они уверенно вздернули юбку, чтобы добраться до треугольника голых ног, а после нырнули в сквозную расщелину и варварски, без лишних церемоний обхватили внутреннюю поверхность бедер – он обещал ей грубое вторжение.

– Хорошо! – завопила ненормальная. – Хорошо! Я отдам, отдам! – верещала она на все немалое пространство клуба, перекрывая музыку. Рядом с ним словно бомба взорвалась. Еще немного, и он полез бы к ней в трусы, и что, она стояла бы, наблюдала, как он расстегивает ширинку?

Ролан поспешно отстранился.

Покачиваясь и наспех поправляя юбку, она повернулась к нему лицом, красным от злости.

– Мерзавец, – прошипела мерзавка.

Она «случайно» опустила взгляд на его ширинку, но торопливо подняла обратно – да, он все еще возбужден.

– Я жду, – поторопил ее Ролан.

«Я жду», – передразнила его нахалка, глядя куда-то в сторону. Потом посмотрела на Ролана, глазами посылая ему всевозможные страдания.

– Его здесь нет, он остался дома. – Она попыталась произнести это, сохраняя остатки бывшего достоинства. Можно подумать, оно у нее когда-то было.

Ролан помрачнел.

– Лжешь.

– Не лгу.

Ролан пригляделся к ней, прислушиваясь к взбунтовавшимся чувствам.

– Лжешь, – констатировал Ролан. – Я вижу, тебе понравилось.

Если она сейчас же не вернет ему его собственность, он начнет телесные притязания заново и на этом уже не остановится.

– Я в свое время была нежнее, – парировала нахалка, убирая с лица пряди волос.

Да, Ролан прекрасно помнил их встречу, помнил, как она проходилась теплыми ладонями по его спине... а затем украдала его телефон.

Ролан шагнул к ней.

– Ладно! – Она выставила руку. – Ладно, я солгала, – призналась в кои-то веки. – Он здесь, в сумке.

Ролан молчал, тем самым побуждая ее шевелиться.

Нахалка повернулась к стойке, открыла клатч и достала его мобильный. Затем положила телефон на стойку экраном вниз и как-то коряво, прикусив губу, стала открывать заднюю панель. Открыла, достала сим-карту и положила ту ря-

дом с собой. Снова полезла в кукольную сумку, достала другую сим-карту – Ролан признал в ней свою – и вставила в предназначенное для нее отверстие. Это, учитывая, что телефон у него был двухсимочным.

Она повернулась к нему и протянула телефон.

– Вот, держи, – с неясной обидой в голосе произнесла нахалка. – Из-за какого-то телефона...

У Ролана не было слов. Он потерял дар речи. Потому он решил, что закроет на произошедшее только что глаза – больше такого эта захватчица с ним не провернет. Он не позволит.

Ролан забрал телефон и положил в карман.

– Еще раз сделаешь что-то подобное...

– И не мечтай. В штаны к тебе я больше не полезу.

Ролан неспешно вдохнул: нельзя позволить ей снова вывести себя из равновесия, – и направился к выходу. Но не прошло десяти секунд, как он услышал ее у себя за спиной.

– Стой! Стой же! – кричала нахалка.

Он остановился, не успев покинуть потный зал, посмотрел на нее.

– И это... все? – с недоверием спросила она, останавливаясь напротив.

– Что значит «все»? – устало поинтересовался Ролан, всем своим видом показывая, что он делает ей большое одолжение, задерживаясь в этом хлеву.

– Ну... все? То есть мне ничего не будет?

– А чего ты хочешь?

– Ну, как чего? Нет, я-то не хочу...

– Ты хочешь, чтобы я тебя побил?

– Что?! Конечно же нет!

– Сдал в ментовку?

– Нет.

– Тогда что мне следует сделать?

– Ничего. – Она притихла. Нахалка что, действительно стоит и предлагает ему себя наказать? – Спасибо, – только и сказала.

Ролан поднялся по двум ступеням, имевшим место здесь быть, и вышел в фойе. Затем «внезапно» остановился и взглянул на нее, все еще стоявшую на месте.

– Кстати, твоя машина у меня. – Сказал и пошел дальше.

– Что? – прошептала девчонка, не понимая, что и зачем, и когда...

Чтобы понять, что произошло, ей понадобилось несколько мгновений, после чего она взлетела по этим не к месту смастеренным ступеням и помчалась за ним.

– Что ты сказал? Что значит «твоя машина у меня»? – Она догнала его на подходе к выходу.

– То и значит.

– Не верю.

Ролан был вынужден остановиться и обернуться к ней. В который раз.

– Ты отправляла ее в автомастерскую?

– Да. – Она не удивилась. Конечно, он и так это знал: она сама ему рассказывала о сломанной машине.

– Расположенную по улице Штормовая?

– Да. – А этого не рассказывала.

– У тебя красный Порше?

– Даа... – в глазах отразился страх.

Ролан заключил:

– Она у меня, – и продолжил свой нескончаемый путь.

– Как так? Они не могли ее тебе отдать, это незаконно! –

Она следовала за ним на своих высоченных каблуках, порой вынужденная переходить на бег, подстраиваясь под его широкие шаги.

– Неужели?

– Ты не можешь так поступить. Ты не имеешь права!

– Это как? Как тогда, когда ты украла мой телефон?

– Это нечестно! Моя машина стоит во много-много-много раз дороже твоего жалкого телефона!

– Мои нервы стоят во много-много-много раз дороже твоей «пора на металлом» машины. Они бесценны. – Ролан вышел на улицу и направился к своему серебристому другу, припаркованному у обочины дороги – машина встретила его игрой голубых фар.

Нахалка остановилась на тротуаре.

– Ты не можешь забрать у меня машину, я собираюсь уезжать из города! – выдала она беспощадную правду. Стоит заметить, что выглядела при этом как-то беспомощно.

– Как жаль, теперь придется воспользоваться еще и автовокзалом. – Он остановился возле автомобиля и открыл дверцу.

Нахалка было помолчала, с трудом осмысливая полученную информацию...

– Сам ездил на автобусах! – осмыслив, крикнули нахалка гневно.

Ролан пожал плечами.

– Ролан! – Он вскинул голову. Не то, услышав свое имя из ее уст, не то, распознав мольбу и отчаяние в голосе.

Она оставалась на тротуаре и потерянно смотрела на него.

– Мне нужно уехать, – сказала тихо.

На некоторое время он завис, пытаясь за маской безнадеги распознать обман. Затем качнул головой и вынес суровый вердикт:

– Нет. – Он сел за руль, завел мотор и уехал, оставив ее одиноко стоять у дороги и смотреть, как свет голубых фар теряется в ночи.

Ролан остановился у решетчатой ограды, стальной, кривой и просевшей.

Выйдя из машины, он прошел к таким же решетчатым воротам, даже ночью раскрытым нараспашку.

В петлях замка болталась толстая цепь. Мимоходом бросив на нее взгляд, Ролан пересек границу самой крупной и самой разношерстной городской автостоянки.

Автосвалки. Так будет точнее, так как встретить здесь можно было как приличные, ходовые автомобили, так и развалившиеся, поломанные драндулеты.

Ролан шел по центральному коридору, окруженный сплошным металлом: по обе руки подобно крыльям разлетались ряды всевозможных транспортных средств, от пестрых красок которых хотелось жмуриться. Красные, синие, желтые, оттенки зеленого, бурого, цвета шерсти – прямо карнавальная ночь какая-то.

– Прямо праздник цвета, согласишься.

Ролан остановился. Посмотрел на гостя.

– Что ты здесь делаешь? – Сюрприз не из приятных. Кто бы подумал, что на окраине Радлеса, неподалеку от городских складов, практически необитаемых, он встретит Дея.

– Важнее, что здесь делаешь ты?

Ролан выдержал вопросительный взгляд и пошел дальше.

– Нелли сказала, ты хотел воспользоваться закрытой стоянкой Александра, так как у тебя появился красный Порше.

Ролан всегда знал, что болтливость карается. Зачем он вообще об этом заговорил, зачем обмолвился.

– Ты подружился с Нелли?

– Не меняй тему. Нелли сказала, ты внезапно передумал.

– А Нелли вдруг стала информационным бюро.

– Вообще-то я услышал случайно: она обсуждала этот вопрос с Александром. Зачем тебе красный Порше? – внезапно воскликнул Дей. – И какого оно года выпуска? Девяностого?

– А ты уже проверил, – констатировал Ролан. – Так ты для этого сюда явился?

– Нет, я явился, чтобы спросить у тебя лично, так ли это. Но одно другому не мешает, правда?

Не правда.

– И Ролан: это же женская машина!

– Да ну.

– Что ты скрываешь? – допытывался Дей.

– Ничего. Мне она понравилась, а тебе нет? – Ролан с любопытством посмотрел на друга.

– Нет.

– Поэтому на ней буду ездить я, а не ты.

– Ролан...

Однако Ролан Дея больше не слушал: откуда-то из ниоткуда, словно черти из табакерки, на дорогу перед ними выскочили-вывалились подростки. Пятеро или шестеро, размалеванные и разукрашенные, приодетые в стиле стилияг, от семнадцати до двадцати. И что самое интересное, среди человеческих отпрысков затесались подростки-догмары.

Девочка с огромным красным бантом на голове, в светлой джинсовке и с алыми, словно свекольными щеками распахнула в удивлении глаза и раскрыла рот. Да так его раскрыла, что жвачка вывалилась на пыльную землю.

Она поняла, кто они такие, прочувствовала. Благодаря своей природной сенситивности, позволяющей улавливать энергетические вибрации ferus и одаренных экстрасенсор-

ными способностями людей, она осознала, кто перед ними стоит. Осознали все догмары.

Ролан пытливо их осмотрел, хотя при первом же брошенном взгляде на них заметил, что руки у подростков заняты всяким барахлом: большими сумками, баулами, свертками, обвязанными тесьмой...

Местная шпана обворовывала машины. Значит, вот как. Пока владельцы оставленных тачек мирно спали за километры отсюда, их позабытые вещички перекачевывали в шаловливые ручки детей.

Ролан расслабился. Как и Дей поблизости. Это всего лишь мелкие воришки.

Он намеревался их пропустить. С детьми *ferus* силой не мерились. Однако в этот самый момент он посмотрел на руки рослого догмара: он держал объемную спортивную сумку цвета вялой сирени. Очень знакомую Ролану сумку. Знакомую, потому что она лежала в красном Порше.

Ролан машинально дернулся к ней: невидимая сила потянула его за руки, призывая вещь эту вернуть. И он даже схватился за ручки сумки, и даже рванул ее на себя. А затем ощутил толчок, настолько мощный, настолько точный, что Ролан отлетел на несколько метров и просто всмятку пал на капот подвернувшегося под кости автомобиля.

Сумка приземлилась недалеко от него.

«Запела» сигнализация. Ей вторили крики ошарашенной ребятни, мигом разбежавшейся.

Ролан поднял голову и увидел поднимающегося на ноги Дея – стихийный удар настиг и друга.

А затем он заметил его, мужчину. До боли знакомого мужчину. Колоритный, сильный, высокий, от него исходила родственная энергетика. В черной футболке и черных брюках, он смотрел на убегающих детей.

Дей зарычал. Да, это было больно. Очень и очень больно. Природа *ferus* не избавляла от неприятных ощущений, пус-кай болевой порог у них был высок.

Гость услышал тихое рычание и на мгновение замер, после чего неторопливо повернулся к ним лицом, чтобы взглянуть на них своими карими в черную крапинку глазами.

Подозрения подтвердились.

Самаэль. Это был Самаэль: *ferus*, их давний друг. Смуглая золотистая кожа, угольно-черные волосы, густые брови, нос с легкой горбинкой – точно, это был он. Если и оставались какие-то сомнения, следовало посмотреть на область правой ключицы, где еще сотни лет назад был вытатуирован черный скорпион, взбирающийся на шею – шею захватывали клешни и передняя часть тела. Вторая половина туловища вместе с ядовитым остроконечным хвостом занимали ту самую ключицу.

Самаэль родился в Саудовской Аравии, мать его была аравийкой, отец его также был родом оттуда, что само собой сказалось на генах. «Темная» наружность – «темное» нутро.

И теперь он помогал догмам. Или как: как им следова-

ло понимать то, что только что произошло? Друзей своих в воздух не швыряют. Швыряют друзей, превратившихся во врагов.

Ролан, вставший на ноги, молчал. Он не знал, что тут сказать: видать, удар повредил ему голову, поскольку он с трудом переваривал информацию.

Самаэль не был защитником детей. Самаэль не был защитником детей догмар. Да и дети эти уже завтра способны ступить в ряды ненавидящих fetus. Тогда какого черта он их защищал?

Истина открывалась медленно, но открывалась. Признать очевидный факт не хотелось, только Ролан всегда ратовал за правду, пускай и горькую.

Поэтому да: Самаэль помог догмарам. Самаэль, бывший в числе тех, кто громче всех ругался с Александром из-за его отступнического поступка тридцатилетней давности, только что помог врагам.

Казалось бы – не могло такого быть. Но Нелли в мире fetus также быть не могло, но она там, гуляет по лесным просторам под ручку с Александром.

С другой стороны, может он действительно пожалел воришек? Или же произошла ошибка, и Самаэль, напротив, хотел им помочь (хотя чем им помогать, перед ними стояли подростки), просто методы у него были странные. В любом случае, данный случай не значит, что Самаэль перевернулся на сторону врагов и стал закадычным другом Лисандра.

– Это правда, – сказал давний друг, прочтя вопросы в их глазах.

Ролан и Дей переглянулись.

– И почему? – поинтересовался Дей.

– У каждого из нас свои причины.

– Это не объяснение, – заметил Ролан.

– Другого нет, – блеснул жестким взглядом Самаэль.

– Ты уж найди. Значит ли это, что ты и убить нас готов?

– Не нужно мелодрамы, я вас не трогал и не трогаю.

– Да, ты только швыряешь нас в воздух, к тому же без особой на то надобности, – оскалился Дей.

– И даешь догмам советы, каким образом нас убить. –

Ролан с грустью усмехнулся. Значит, вот от кого догмары узнали сокровенные секреты fequs. От Самаэля.

– Так вот кто является информатором Лисандра. Это ты тот самый справочник догмар?

Самаэль смущенно пожал плечами. Ухмыльнулся.

– И чего же ты хочешь? – спрашивал Дей. – Зачем ты стоишь здесь перед нами? Зачем ты пришел?

– Сказать кое-что.

– И что же?

– Привет Александру. Передайте, – пояснил Самаэль. – Это, во-первых. А во-вторых, скажите, что наступило время отдавать долги, а он мне кое-что задолжал.

– И что же это? – поинтересовался Ролан.

– Он знает. А если не знает, то скоро поймет.

– И да, – заметил Самаэль, уже отвернувшийся, чтобы уйти. – Советую приглядывать за баром.

Самаэль ушел. Ушел, оставив за собой одни вопросы и чувство горечи внутри. Но самым неприятным оказалось ощущение невосполнимой утраты: утраты той сплоченности, которая между ними когда-то была.

Мир *ferus* действительно необратимо менялся.

Глава 8

За окнами маячил рассвет. Город просыпался: на юге Радлеса возрождалась солнечная жизнь, тогда как на востоке...

На востоке, походившем на север, Лисандр даже не ложился, он не спал. Лисандр ждал: дожидался ненавистного вольного ferus, который должен был появиться в клубе около четырех часов назад, но его все не было, он не приходил, и Лисандр прекрасно знал почему.

Животное специально тянуло время и заставляло Лисандра ждать. Ждать и злиться: ублюдок понимал, что своим ненадежным, скотским поведением выводит его из себя, пускай узнать себя ближе Лисандр не позволял. Ему и не нужно было этого делать. Без лишних слов становилось ясно, какие чувства испытывал Лисандр, а вместе с ним и все догмамы к своим «особенным» врагам, пускай и превратившимся на время в союзников.

Союзники.

Лисандр улыбнулся. Ну а как иначе. Конечно. Они – именно союзники. Союзники, которые при первой же возможности перегрызут друг другу глотки. Но возможности такой пока что не представилось: сейчас они за одно, работают над достижением общих целей, потому Лисандру приходилось терпеть оскорбительные выходки своенравного ferus.

Самаэль...

Коварный fevus появился в его жизни, а если точнее, в его славном клубе два года назад. Он пришел к нему сам с предложением помощи в поисках fevus. Иначе говоря, предлагал собственноручно сдать своих друзей, товарищей, братьев или кем они там друг другу являются... соплеменниками?

На что Лисандр улыбнулся и предложил поискать другого дурака. Неужели он думал, что Лисандр поверит, будто сам fevus поможет ему в истреблении «своих»?

Самаэль уходить не торопился. По его словам, он не желал уничтожать своих сородичей, он лишь хотел расквитаться с Александром за то предательство, которое он себе позволил, разрушив их, так называемую, ментальную общину. Лишней информации не выдал: Самаэль был лаконичен, в меру драматичен, но убедителен.

На вопрос, каким образом он собирается защищать остальных fevus, ведь в планах на уничтожение у догмар не только Александр, но и другие, он кратко ответил, что остальные сумеют о себе позаботиться, ему нужен был только Александр, так как у него, помимо вышеназванных причин имелись с ним и личные счёты.

Создавалось впечатление, что Самаэль помешан на Александре. Но, несмотря на правдивую воду, которую fevus лил, несмотря на гнев, притаившийся в глубине темных глаз, Лисандр Самаэлю не верил. Ему было сложно довериться fevus, примириться с мыслью, что давний враг, которому догма-

ры досаждали на протяжении веков, поможет отыскать своих соплеменников для вполне понятных целей. Ну не смешно ли: Самаэль хочет отомстить Александру за то, что Александр посмел обидеть взрослых свободолюбивых мужиков (даровав им еще большую свободу), путем вымирания вида *ferus*? Самаэль должен был понимать, чем подобная месть обернется для *ferus* и в том числе для него самого.

Скептицизм Лисандра был более чем оправдан. И оправдывал себя до тех самых пор, пока «коварная душонка», как прозвал он позже Самаэля, не выложила перед ним изображения священных для *ferus* сакр или *Sacra* – древних символов, путем которых *ferus* транслировали свою силу во внешний материальный мир. Выложила и стала пояснять предназначения каждого из них.

С тех пор началось их взаимовыгодное сотрудничество, где каждый преследовал свои интересы. Сказать по правде, Самаэль явился для него подарком судьбы, поскольку своими силами догмам вряд ли удалось бы найти исчезнувших *ferus*, учитывая их энергетические блокаторы, или, на крайний случай, отыскать настолько вескую для *ferus* причину, которая вытравит бы их из собственных нор. А сакральные знания расы в руках врагов – чем не повод, чтобы показаться на глаза?

Приятным и беспроблемным их сотрудничество назвать было сложно: Самаэль появлялся и исчезал тогда, когда ему того хотелось. Люди Лисандра могли месяцами ему названи-

вать (телефон – единственное средство связи между ними), а Самаэль мог месяцами не отвечать, игнорировать звонки. А затем внезапно появляться и играть у него на нервах. Как он делал сейчас, например, и весь последний месяц, когда Азарий, его правая рука, пытался связаться с предателем и узнать, почему план догмар по уничтожению ferus не сработал: почему предоставленные Самаэлем сакры не подействовали нужным образом. Однако подлюга и вовсе вырубил телефон.

И вот сегодня до Лисандра доходит информация, что Самаэль в городе. Раз информация до него доходит, значит, Самаэль хочет, чтобы она до него дошла, а значит, он скоро прибудет сюда, в гости к Лисандру – он умел читать между строк.

И Лисандр ждет. Меряет шагами танцевальную площадку в ожидании прихода наглого шакала. Ждет уже долбаный пятый час.

Лисандр развернулся и направился к выходу. Пошел к черту. Надо будет, сам найдет.

Именно в этот момент в зал вошел Азарий и проговорил: – Он пришел. – А после Лисандр заметил направлявшуюся к нему высокую темную фигуру, источавшую незримую мощь.

– Лисандр, – хищно улыбнулся Самаэль, не обращая внимания на Азария, мимо которого проходил. – Как поживает мой старый друг?

Лисандр изобразил вежливую заинтересованность в сочетании с напускным равнодушием. Игра началась.

– Самаэль почтил нас своим присутствием, – заговорил Лисандр. – Такое следует отмечать.

– Проезжал мимо, решил заскочить. – Хитрые глаза блестящие. – Как проходят дела по поимке моих друзей? – Он довольно оскалился, прекрасно зная, что ответ «никак». Этим он только больше раздражал Лисандра.

– Не так плохо, как могло быть, но и не так хорошо, как должно, – не поддаваясь на словесные манипуляции, ответил Лисандр. – Они в городе, они рассержены, и мы нанесли им первый удар, частично положительный.

– Частично положительный? Это как?

– Следуй за мной. – Лисандр развернулся и повел его к лестнице, ведущей на второй этаж.

Самаэль последовал за ним в самую глубь помещения, где в левом углу располагалась железная лестница. Лисандр остановился возле нее.

– Прошу, – сказал Лисандр, изображая радушного хозяина и движением руки указывая гостю идти первым.

Самаэль остановился.

– Нет, это я прошу. – Он отзеркалил в движениях Лисандра.

– Ну что ты, Самаэль, гости в приоритете.

– Да мы же уже как братья, не нужно церемониться.

– Думаешь, я позволю ferus оказаться у себя за спиной? –

прекратив спектакль, коротко поинтересовался Лисандр.

– Конечно же нет. Это я позволю догмару буравить мне спину, – в тон ему ответил Самаэль, прожигая его глазами.

– Я пройду между вами! – Азарий, следовавший за ними, не выдержал. Он проталкивался мимо Самаэля к Лисандру

– О, Азарий, ты тоже здесь, – улыбнулся Самаэль. – Как давно мы не виделись.

Азарий встал перед Лисандром и посмотрел ему в глаза.

– Иди, я следом.

Лисандр усмехнулся, и, стрельнув в fequs быстрым взглядом, пошел наверх.

Они оказались в светлом холле. Лисандр прошел к одной из нескольких дверей и завел гостя в свой местный кабинет.

– Продолжаешь жить на широкую ногу, Лисандр? – Самаэль осмотрел аскетичную комнату, в которой уже бывал.

– Никто не обвинит меня в злоупотреблении властью. – Лисандр прошел за обшарпанный стол и сел на свое место. – Присаживайся.

– Я постою. – Самаэль остался стоять возле входа и многозначительно посмотрел на Азария, предлагая ему не маячить возле него, а пройти вперед. Азарий прошел вперед, но садиться не стал, а остановился у стены напротив Лисандра, чтобы наблюдать за происходящим со стороны.

В действительности, расположение каждого значения не имело: кабинет был настолько маленький, что стол располагался практически у входа, не позволяя лишних маневров и

движений, поэтому все они находились в пределах доступности консервной банки.

– Зачем же мне столько названивать? – отбросив всякую фамильярность, спросил Самаэль. – Ваше заветное желание осуществилось: Александр вернулся в город, призвал в свои законные владения остальных. Мы помогли друг другу, мы их выманили, дальше каждый сам по себе.

Дело в том, что, если *ferus* исчезал – он пропадал: отыскать его после этого – практически невозможно. Даже «свои» не способны подобраться к нему близко, если он сам того не хотел. А так как тридцать лет назад *ferus* залегли на дно, то не стоило даже надеяться на скорую встречу с ними. Таким образом, Самаэль и Лисандр помогли друг другу. Лисандру была необходима помощь в заманивании Александра и близких ему *ferus* в Радлес, и эту помощь ему оказал Самаэль, снабдив необходимым знаниями, благодаря которым Лисандр смог разработать стопроцентный план, ставящий *ferus* в положение, когда они просто не могли не собраться вместе – собраться, чтобы решить новоявленную проблему. Самаэлю, в свою очередь, от Лисандра требовались связи и «социальные» ресурсы, которыми тот обладал, способные помочь ему воплотить свою задумку в жизнь. Однако основной причиной, сподвигнувшей Самаэля сотрудничать с Лисандром было другое: *ferus* нужно было, чтобы в его хорошо скрываемых планах участвовали догмары, и они участвовали...

– Произошла осечка, – Лисандр посмотрел на своего гостя. – Твои сакры не сработали.

– Да неужели. – Самаэль сложил руки на груди и улыбнулся. – Быть такого не может.

– Хотя нет, они сработали, – Лисандр вспомнил, что выведенный ими знак все же удерживал fequs на месте, не давая выбраться за невидимые границы, – однако что-то пошло не так, и план наш, в итоге, провалился.

– Надо же. И причем здесь я?

– Хотелось услышать твои комментарии... может, ты нам чего-то не рассказал?

– Естественно, я вам чего-то не рассказал, разве могло быть иначе? – Самаэль искренне удивился: мол, неужели ты думал, что я возьму и выложу тебе все, что знаю?

– Я это понимаю, – с едва заметным раздражением проговорил Лисандр. Он не дурак, потому не ожидал от fequs подобной глупости. – Возможно, ты утаил от нас важную *дополнительную* информацию о сакрах, и мы неправильно их истолковали?

– Возможно. А возможно, fequs использовали другую сакру и смогли заблокировать действие «вашей». Или использовали одно из заклинаний, чтобы себя обезопасить.

– И ты нас об этом не предупредил, – констатировал Лисандр.

– А должен был?

Лисандр в задумчивости смотрел на Самаэля.

Ferus хмыкнул:

– Думаю, вы сами в состоянии сообразить, что мы не будем, бездействуя, наблюдать за тем, как нас убивают. Мы что-либо предпримем.

– Конечно, – согласился Лисандр.

– Я так понимаю, речь о неудавшемся взрыве? – В голосе Самаэля проступали нотки злорадства. Конечно: несмотря на их общую цель, они по-прежнему желали друг другу смерти.

– А ты, я смотрю, в курсе всего, что происходит в городе? – Лисандр закинул ногу на ногу.

– Долг обязывает, – был краток ferus. – Это все?

– Нет. – Лисандр продолжал пылливо изучать ferus. – У меня есть к тебе предложение.

– Какое? – Самаэль так же въедливо наблюдал за каждым его движением, и словно глазами сканировал все его мысли и потайные чувства. Вот только Лисандр их хорошо скрывал.

– Приходи сюда завтра вечером, я тебе все расскажу... и покажу.

Самаэль не торопился ему доверять, но и узнать, в чем дело желал. Если Лисандр что и узнал о Самаэле за время их сотрудничества, так это то, что он очень любопытен.

Ferus еще некоторое время прожигал его холодным взглядом, а затем ушел – скрылся за дверью.

– Ты ему не доверяешь, – не теряя времени, заговорил Азарий, как только они остались одни.

Лисандр посмотрел на своего советника:

– Я похож на идиота?

– Нет, не похож.

– Тогда почему я должен доверять ferus?

– Но ты собираешься ему рассказать? – Азарий пытался понять его мысли.

– Да... – он задумался, – но не все.

– Ты уверен в этом?

– Да. Думаю, вреда от этого не будет, а вот пользу извлечь можно.

– Считаешь, он согласится?

Лисандр улыбнулся:

– Я стараюсь об этом не думать. Это бесполезно. Бесполезно предугадывать его поступки.

– Он опасен... и непредсказуем.

– Я знаю, – улыбка спала с лица Лисандра. – Но от того только интересней.

***

Брина входила в «Красную метку» снова.

Пройдя через парадные двери, она оказалась в прохладном зале – глоток свежего воздуха после удушающей утренней жары.

Посетителей не было. Да и в целом в баре царили тишина и излишнее спокойствие. Не наблюдалось того оживления, которое было здесь в прошлый раз.

Брина прошла немного вперед и заметила в глубине, у дальней стены помещения свою цель. Брина мысленно пожелала себе удачи и уверенно направилась к ней.

– Девушка, мы не работаем. – Незнакомый голос, прозвучавший рядом, остановил ее. Брина посмотрела вправо и увидела высокого блондина, наблюдавшего за ней из-за барной стойки. Значит, бармен. А она его даже не заметила – так сильно увлеклась своими переживаниями.

Брина приветливо улыбнулась и пошла к нему.

– Правда? – она сняла свою любимую мешковатую сумку и, положив ее на стойку, уселась на один из барных стульев. – Несколько дней назад, вы работали.

Бармен оценил ее дружелюбие и улыбнулся в ответ:

– Временами мы принимаем постоянных посетителей, но это происходит редко. В остальные дни мы закрыты.

– А когда же откроетесь? – спросила Брина.

– Завтра.

– Завтра! – воскликнула она. – Тогда я просто пришла раньше времени – я никогда не отличалась пунктуальностью. – Она простодушно махнула рукой, вызвав улыбку на мужском лице. – Тогда почему вы не закрываете двери? – внезапно спросила Брина. – Подобное не только сбивает с толку посетителей, но и временами бывает небезопасно.

Улыбка бармена слегка увяла.

– У нас персональная охрана, – как-то кисло проговорил он, – которой ничего не страшно, – и мимолетом взглянул на

Ролана. Брина не преминула воспользоваться возможностью и тоже на него посмотреть.

Ролан находился у сценического помоста, и что-то на нем устанавливал.

– А, вы про Ролана? – протянула Брина. – Как бы он не спугнул всех ваших клиентов. – Она обернулась к бармену, который как-то странно на нее смотрел.

– Вы знакомы?

– Ну... можно сказать и так. Я пришла поговорить с ним. Он... кое-что у меня одолжил.

– Одолжил? – переспросили с сомнением.

– Ага. Он здесь работает?

Бармен ухмыльнулся.

– Можно сказать и так. – Он помолчал. – Относительно того, что он у вас одолжил... Вы его ни с кем не спутали?

Брина посмотрела на него как на дурачка.

– Спутала Ролана? Боюсь, что нет. Хотела бы, но нет... точно нет, – она отрицательно качнула головой.

– Что, неудачное знакомство?

Брина скривила губы.

– Бывало и получше. – Она постучала ногтями по стойке. – Думаю, мне не помешает глоточка два для храбрости. – Она подняла глаза и внимательно посмотрела на бармена. – Как вас зовут?

– Дмитрий. Давай на «ты».

– С радостью. Я Брина. – Она улыбнулась и протянула ему

руку. Дмитрий пожал ее руку в ответ. – Так вот, Дмитрий, налей мне чего-нибудь, боюсь, предстоит сложный разговор.

– Почему-то я в этом не сомневаюсь, – он слегка отстранился, чтобы рассмотреть свои запасы. – Так что ты будешь? Пива хватит?

«Ты что, издеваешься?» – говорил адресованный ему взгляд. Она планирует разговаривать с Роланом – с мужчиной, не побоявшимся забрать ее машину.

Дмитрий усмехнулся.

– Вина?

Она отрицательно качнула головой.

– Виски?

– Нет.

– Коньяка?

– Нет.

– Водки? – удивился бармен.

– Эээ... давай коньяк.

Дмитрий налил ей коньяка, который она, не задумываясь, опрокинула себе в горло.

– О, Господи! – напиток хорошенько обжег ей горло.

– Да-да. Ну, удачи!

Брина отдышалась, встала с места и, неторопливо развернувшись, побрела к Ролану.

Мужчина стоял к ней спиной, с особой сосредоточенностью рассматривал то, что лежало под его ногами. Брина стояла позади, топталась на месте, не зная как начать разговор.

Она все порывалась, что-то сказать, но в последний момент останавливала себя. Брига не привыкла просить и уж тем более унижаться, а в данном случае, кажется, без этого не обойтись.

Брига обернулась и посмотрела на Дмитрия, который с интересом наблюдал за происходящим – это смутило ее еще больше. Свидетели ее позора ей не нужны.

Она снова переключилась на спину Ролана и подняла руку, чтобы его ткнуть, но в этот момент он внезапно обернулся и посмотрел на нее своим глубоким взглядом. Брига отступила назад. Хотя он ей ничего не сказал и более не шелухнулся, один его угрожающий вид действовал на нее предупреждающе.

Ролан простоял так, глядя на нее, некоторое время, но, не дождавшись дальнейших действий с ее стороны, обошел ее и продолжил заниматься своими делами.

«Ну вот! – с досадой подумала она. – Была такая возможность!»

Он вернулся к ней спустя недолгое время с какой-то железной штукой в руках, прошел мимо, словно ее не существует, и, взобравшись на помост, начал что-то делать у стены. Брига начала за ним наблюдать.

Это были перила, вернее сборная их часть. Брига поняла это, когда Ролан присел на корточки, стал монтировать их в специальные отверстия на помосте.

Брига не выдержала и поднялась к нему. Она остано-

лась рядом с ним так, что он мог лицезреть ее прекрасные красные босоножки на высокой танкетке.

– Что ты делаешь? – потребовала ответа. Ролан на секунду остановился, а затем продолжил заниматься своим делом. Брина прикрыла глаза и с силой сжала кулаки.

«Демон!» – кричало у нее внутри.

Брина слегка успокоилась, открыла глаза и снова обратилась к нему:

– Ролан, скажи, пожалуйста, что ты делаешь? – нарочито медленно и вежливо проговорила Брина.

Ролан поднялся на ноги и посмотрел на нее:

– Работаю, – раздался сухой ответ, – чего и тебе желаю, – после чего отправился за следующей конструкцией.

Брина простояла на месте секунд десять, убеждая себя, что больше к нему не обратится и уж точно за ним не пойдет, но, не выдержав, поплелась следом.

Она как раз слезала с этой дурной неудобной сцены, когда перед ней появился Ролан. Она подскочила к нему и преградила ему дорогу.

– Так, значит, тебя зовут Ролан? – Он только посмотрел на нее и, обойдя, оставил позади. – А я Брина, – крикнула ему в спину.

– Знаю, – послышался ответ, лишенный признаков жизни.

– Откуда? – удивилась Брина.

Ролан посмотрел на нее очень красноречиво. Весь его облик кричал: «Ты разочаровываешь меня все больше и боль-

ше».

Брина догадалась. Он забирал ее машину из автомастерской, а у них были все ее данные. Естественно, он знал, как ее зовут. Неужели и их ему показали? Что за несправедливость?

Брина через силу, но все же продолжила этот непонятный и, казалось бы, бессмысленный разговор. Хотя он и давался ей тяжело, в первую очередь, из-за не разговорчивого собеседника, но беседа хотя бы сдвинулась с мертвой точки, что в данной ситуации уже хорошо.

– Сколько тебе лет? – Брина села на краешек сцены.

– Много.

– А если точнее.

– Много.

Характер – дрянь.

– У тебя есть семья, дети?

– Нет.

– А девушка?

– Нет.

– Как так? – Брина удивилась. – Ты же вроде... ну... ничего такой, – бросив взгляд через плечо, она посмотрела на него. Но Ролан снова промолчал. Брина мысленно прорычала от злости. Отвернулась. – Ты что не любишь женщин? – громче, чем прежде спросила она. Может, он ее не слышит?

– Я не люблю людей, – Брина спиной почувствовала – он смотрит на нее.

Однако Брину это не заботило, она размышляла о своем:
«А я не совсем человек, – думала Брина. – Я тебе понравлюсь».

– А как же Нелли? – вдруг спросила Брина, вспомнив девушку, с которой он разговаривал по телефону.

– А что Нелли? – раздалось у нее за спиной.

Брина от испуга подпрыгнула и, вскочив, развернулась к нему. Ролан спрыгнул со сцены и остановился напротив нее.

– Так что там насчет Нелли? – любопытствовал Ролан.

– Ничего. – Брина смутилась. С какой стати она расспрашивает его о личной жизни. – Ты здесь работаешь? – поспешила сменить тему Брина.

– Я не верну тебе машину, – сказал ей спокойный Ролан, понимая, отчего она крутится здесь последние двадцать минут.

– Почему?! – возмутилась Брина. Не такой ответ она ожидала услышать, потратив на него драгоценное время, поддерживая этот скучный разговор. – Она не твоя!

– Верну, когда осознаешь свой поступок.

Этот снисходительный тон еще больше ее разозлил.

– Ты что мой дедушка? Хватит со мной так разговаривать! Ты не имеешь никого права ставить мне какие-либо условия! Верни мне мою машину!

– Нет, – ответил Ролан, развернулся и пошел дальше.

– Ролан! – Она поспешила за ним.

Ролан стремительно обернулся и, глядя прямо в глаза,

сказал:

– Нет.

Брина стояла к нему вплотную, смотрела в невозмутимое лицо.

– Я буду приходить сюда каждый день, адрес твой узнаю, я тебе житья не дам, пока ты не вернешь мне мой Порше.

Ролан молча глядел на нее, изучая каждую черточку лица.

– Ты меня еще не знаешь, – с угрозой проговорила Брина.

– К сожалению, уже знаю, – бесстрастно ответил Ролан.

– Завтра у вас открытие, не так ли? – как бы невзначай спросила Брина. – Я приду. – Брина словно обещание давала. – Пойду я, – она взмахнула своими роскошными волосами, – с тобой что-то скучно, найду собеседника поинтереснее.

Брина пошла к бару, однако крепкая рука, внезапно впившаяся ей в запястье, удержала ее на месте, заставив снова обернуться к своему обладателю.

– Устроишь один из своих спектаклей – пожалеешь, – предупредил ее Ролан.

После долгого взгляда, обращенного на Ролана, Брина улыбнулась, осторожно высвободила свою руку из мужской железной хватки, разжимая пальцы Ролана своими свободными, и спокойно двинулась прочь. Дойдя до стойки, Брина забрала свою сумку, мило попрощалась с барменом и пошла к выходу. Возле самых дверей Брина остановилась и взглянула на Ролана, совсем как в первый раз. Но только сейчас

она послала ему дразнящую улыбку, если и вызвавшую у Ролана реакцию, то непонятно какую – мужчина эмоции скрывал. А после вышла из бара и попала в шумный поток жителей Радлеса.

Глава 9

– Твоя женщина совсем обезумела! – кричал Рагнар во весь свой не тихий голос, оглушая всю округу. – Она сдаст нас всех с потрохами! Из-за нее мы станем главными действующими лицами ближайшего выпуска новостей!

– Прекрати орать, – весьма сдержанно отвечал Александр, выходя из дома. В майке и тренировочных штанах он направлялся в лес. Ранним утром, когда солнце не палило как днем, ему хотелось размяться и о многом подумать. Благо было о чем. – Я понимаю, что ситуация...слегка для нас необычная, но мы можем извлечь из нее пользу.

– Слегка для нас необычная? – не без ехидства переспросил Рагнар, следуя за ним. – Ты это так называешь? – Он в два шага догнал Александра и пошел с ним вровень. – Для нас необычно отыскать спрятанные когда-то таинственные дневники, знать о существовании еще одной исключительной кровной линии *ferus*. Да, вот это, действительно, необычно. Ладно, допустим, что жить в одном доме с женщиной со знаком *ferus* на плече – это тоже слегка не вписывается в рамки приемлемого. – Ну как же без очередного укола в сторону Нелли. – Но не открывать свой бар и светить там каждый день свои физиономии перед жителями всего города! С таким же успехом ты можешь выйти в центр Радлеса с транспарантом в руках «Добро пожаловать! Хотим расска-

зать о своей загадочной персоне». Ты что, совсем спятил? – Рагнар недоумевая взглянул на Александра.

– Нет, – был короткий ответ. – Но обстоятельства слегка изменились. – Александр так и шел, глядя строго перед собой.

– То, что ты теперь «женатик», не значит, что можно ставить под удар всех остальных.

– Я и не ставлю. В ваших возможностях не светиться.

– Но не сегодня! Сегодня я должен стоять как пугало перед этими людишками и охранять... охранять... – Рагнар замылся, Александр напрягся. – ...охранять... Нелли, – наконец-то, выдавил из себя Рагнар. Как же ему не хотелось называть Нелли по имени.

– Да, сегодня придется, – тоном, не допускающим возражений, проговорил Александр, отпустив внутреннее напряжение.

– Я не подписывался на то, чтобы быть ей нянькой.

– Ты ей не нянька. Ты там для того, чтобы предотвратить возможное нападение догмар, в вероятности которого я сильно сомневаюсь. У Лисандра была возможность навредить Нелли, но он ею не воспользовался. Вы там скорее для того, чтобы понять и оценить ситуацию.

– У Лисандра сегодня в голове одно, а завтра другое. И зная это, ты доверишься его нелогичному мышлению?

– Нет. Поэтому там и будем мы.

– Я не собираюсь теперь вечно ошиваться в этом баре ря-

дом с людьми, – раздраженно изрек Рагнар, заходя вместе с Александром в лес.

– От тебя этого не требуется. Только сегодня. – Александр посмотрел на Рагнара. – Тебе разрешается и вовсе там не появляться, сиди дома, лечи нервы.

Недовольство Ранара отразилось в словах:

– Я не вижу в этом ничего смешного, – спокойно сказал Рагнар, и спокойствием своим несказанно удивил Александра. – Но когда полиция вдруг невзначай спросит у тебя документы...

– ...они внезапно передумают их у меня спрашивать, – быстро заключил Александр, пробираясь в глубь лесной чащи.

– И сколько раз они будут передумывать?

– Сколько потребуется.

Александр исчез из видимости приятеля в зарослях деревьев.

Рагнар неудовлетворенно рыкнул и поспешил за ним. Это все, что ему оставалось.

***

Ролан стоял в углу заполненного бара и наблюдал за все прибывающими и прибывающими посетителями – их сегодня ожидаемо много. Хотя Нелли опасалась, что печальные события более чем месячной давности наложат отпечаток на репутацию заведения. Возможно, если они открылись бы

уже через неделю после случившегося, так оно и было, и «Красная метка» превратилась в «проклятое место»: посетители обходили заведение стороной и смотрели на него с осязаемой опаской. Да, нападение случилось единожды, что вовсе не значило, что такое повториться вновь. Однако вне зависимости от того, что твердят человеку разум и логика, плохие воспоминания, то и дело, всплывают на поверхность сознания и дают о себе знать, заставляя вновь и вновь обмусоливать детали трагедии. А значит, то и дело будут чувствовать отторжение от места, где трагедия произошла.

Однако долгий перерыв в работе позволил жителям Радлеса, если и не забыть о случившемся, то, по крайней мере, воспринимать не так остро, как в те дни, когда о «загадочном нападении на персонал бара «Красная метка» вещали по всем новостным каналам, печатали в выпусках разнообразных газет и переговаривались на каждом углу. Время притушило воспоминания, потому сегодня недостатка клиентов не наблюдалось. Люди забывали, что, в свою очередь, успокоило взволнованную Нелли. Взволнованную, в том числе по причине оттока работников из бара.

Многие уволились, памятуя о былом несчастье, другие – нуждаясь в скорейшем заработке, поскольку неизвестно было, откроется ли бар вообще. К числу первых относилась и Анита, рыжеволосая пустышка, благодаря которой полиция была в курсе практически всех событий, произошедших в тот вечер в «Красной метке». Она заявила, что не собирает-

ся прислуживать той, которая совсем недавно сама носила фартук, да к тому же была виновницей всех несчастий, постигших это место. Поэтому Анита с гордо поднятой головой удалилась прочь... Никто не расстроился.

Ролан стоял, обводил взглядом разномастный контингент, отмечая, что Нелли должна остаться довольна, поскольку не было ни единого свободного столика, за которым не расположились бы мужчины и женщины, молодежь и более старшее поколение, так же как зазоров у барной стойки. При этом его зоркий взгляд заметил каждого *ferus*, сумевшего органично вписаться в интерьер. За исключением Александра. Александра Ролан не видел, что вовсе не значило, что его не было поблизости. Так же как он не видел Рагнара. После утреннего разговора с Александром, о котором, конечно же, знали все, он неизвестно что себе надумал, но в бар пока не явился.

Ролан еще раз оглядел собравшихся людей, раз сотый за день точно, но в отличие от Нелли довольным себя не чувствовал. И тому была вполне конкретная причина. Он заметил практически каждого, кого должен был, но не ее. Ее Ролан не видел, что с каждой секундой, минутой, каждым часом беспокоило его все больше. А то, что отсутствие этой вертихвостки вообще его беспокоило, беспокоило Ролана вдвойне, а то и втройне. И озадачивало.

Зачем он вообще о ней думает, с какой такой радости.

Она пригрозила ему, обещала прийти. Вот почему. А при-

ходила она не одна – она приводила за ручку проблемы. Конечно: проблемы сегодня никому не нужны. И Ролан волновался, как бы она чего не учудила. И не испортила.

Он отогнал от себя образ Брины и двинулся к бару, к Нелли с Океаном.

Ролан прошел мимо сцены, на которой в данный момент выступал приглашенный Нелли музыкальный коллектив, исполнявший «живую» музыку. Группа состояла из четырех человек, главным действующим лицом среди которых была молодая темноволосая солистка. Была она худенькой и невысокой, однако голос имела отменный. Сейчас она пела песню в стиле соул, а трое других членов коллектива аккомпанировали ей на музыкальных инструментах.

Под мелодику эмоционально-прочувствованной композиции Ролан проталкивался мимо снующей рядом толпы. Брина. Ее звали Брина, но для него она так и осталась наглой нахалкой. Он не мог называть ее по имени. Не хотел, поскольку именно обращение означало в некотором роде сближение, более тесные и личные отношения. Он же не желал подпускать ее близко к себе и давать ей зеленый цвет на вторжение в свою частную жизнь.

Он подошел к компании беседующих и облокотился о край барной стойки. Снова оглядел толпу – Брины не было. День клонился к завершению, медленно, но верно обращаясь вечер, а Ролан думал о том, что нахалка, действительно, та еще лгунья.

– Что-то не так?

Ролан встрепенулся, сумев, однако, не выказать этого внешне.

– Ты о чем? – Он посмотрел на Океана.

– Ты разглядываешь людей, словно точишь зуб на каждого из присутствующих, – друг усмехнулся.

– Нет.

– Что нет? – Односложные ответы всегда были коньком Ролана.

– Не точу.

Океан взгляделся в него.

– Ты сегодня особенно разговорчив, я смотрю, – произнес Океан, на что Ролан предпочел промолчать.

– Все идет нормально, не так ли? – спросила взволнованная Нелли, вглядываясь в лица каждого из посетителей, желая удостовериться, все ли им нравится.

– Нелли, прекрати переживать, – вальяжно протянул Океан, – все на высшем уровне. Вот только где твоя охрана?

– Ты про Александра? – не глядя на него, спросила она. – Не знаю, но где-то рядом.

– Не сомневаюсь, что рядом, но пора прекращать прятаться за ширмами и показаться нам на глаза. Пора ему взять на себя роль твоего персонального психолога, иначе я слегка подустал. – Океан не упустил возможности упомянуть о своих непростых заслугах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.